

Струны волшебства
Книга 1

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ
ЗАКРЫТОГО КОРОЛЕВСТВА

МИЛЕНА ЗАВОЙЧИНСКАЯ

Колдовские миры

Милена Завойчинская

**Струны волшебства. Книга
первая. Страшные сказки
закрытого королевства**

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Завойчинская М. В.

Струны волшебства. Книга первая. Страшные сказки
закрытого королевства / М. В. Завойчинская — «Автор»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-093866-7

Привычная жизнь Рэмины рушится в день смерти отца, наследство которого желает заполучить ее единокровный брат, бастард графа дас Рези. Нет больше никого, кто мог бы защитить от беды. Спасая свою жизнь, девушка бежит из фамильного замка, оставив всё: состояние, титул, имя и даже свой облик. Отныне ее путь лежит прочь из родного королевства, в котором магия под запретом, а всех одаренных ждет мучительная смерть на костре. Под личиной бродячего менестреля Рэми учится выживать без чьей-либо поддержки и пытается овладеть открывшимися у нее таинственными способностями. Ее мечта – найти новый дом и узнать, кто же она на самом деле. Но это еще впереди...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093866-7

© Завойчинская М. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Милена Завойчинская
Струны волшебства. Книга первая.
Страшные сказки закрытого королевства

© Завойчинская М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

– Мама, Гаспáр приехал! – в ужасе ворвалась я в покои отца. Тут же вспомнила, что мне не подобает носиться, словно я простолюдинка, выпустила из пальцев подол черного траурного платья и спешно расправила его, украдкой покосившись на завешенное зеркало.

– Явился, ублюдок... – Мама сжала зубы и бросилась в коридор, чтобы выглянуть во двор замка, а я побежала за ней.

Оттуда уже доносились громкое ржание лошадей и зычный гогот пьяной разудалой компании. Мой беспутный единокровный брат, бастард, нагулянный отцом от одной из служанок еще в юности, задолго до женитьбы на моей матушке, ныне графине Альéнде дас Рези́, верховодил своими приятелями и подпевалами. Судя по их бурному веселью, они уже праздновали... А больше всех ликовал он, Гаспар. Тот, кого я по малолетству искренне любила, считая братом. Пусть всего лишь единокровным, незаконнорожденным, но братом, родной кровью.

Увы, так считала лишь я. А ему притворства хватило ненадолго, только до первой стычки с отцом относительно наследства и титула. Мне тогда было шесть, Гаспару двадцать пять. И когда папа ему прямо сказал, что наследницей стану я, законнорожденная дочь, единственный ребенок, появившийся в браке с обожаемой женой... Вот тут-то и закончился шаткий мир между детьми графа дас Рези.

Гаспар еще готов был терпеть искреннюю привязанность малолетней сестрицы, родившейся от ненавистной мачехи, но не то, что титул, земли и состояние уйдут к «мелкой мерзавке». С того разговора не проходило ни одной нашей встречи, чтобы я не получала толчка, щипка, подножки, «случайно» опрокинутого на мое светлое платье вина, едкого оскорбления или шепотка, что я сдохну как нищенка, а уж он об этом позаботится. Причем делал это так, чтобы никто не видел.

Недостойно мужчины, недостойно аристократа (пусть и незаконнорожденного, но признанного официально), недостойно человека вообще относиться так к девушке. Тогда еще девочке.

А потом он стал много пить, кутить, играть в карты, связался с нехорошей компанией...

С тех пор минуло десять лет. И вот... нашего отца не стало сегодня ночью, а с утра пораньше приехал Гаспар. И судя по тому, как веселится его пьяная свора, праздновали они уход графа дас Рези с той минуты, как в город прискакал посыльный папы. И совсем не спешили в замок. Хотя граф хотел проститься со старшим сыном и отправил нарочного, сообщив, что до рассвета еда ли дотянет, но хочет увидеться до того, как испустит последний вздох.

– Рэ́ми́на, ты всё помнишь? – повернулась ко мне мама, трясущимися руками поправляя растрепавшиеся после бессонной ночи у одра умирающего мужа волосы.

– Да, но, мам... Он не посмеет. Ведь завешание...

– Рэ́ми́, милая... – Мама глубоко вдохнула воздух и медленно выпустила его сквозь зубы. – Ты ничего не забыла? Родная, у меня не больше недели, ты же знаешь. Поклянись, что не выйдешь! Если я не выпущу тебя сама в течение восьми дней, то ты...

– Да, мама, – опустила я глаза, пряча слезы. – Месяц. Я помню.

– Люблю тебя, доченька. Помни об этом. – Я очутилась в крепких объятиях.

– И я люблю тебя. – Слезы уже не удавалось сдерживать. И хотя мне казалось, что я выплакала их еще ночью, горя о смерти папы, но прощаться с мамой оказалось не менее больно.

– Беги! – подтолкнула меня вдова графа дас Рези. – Прячься! Я попробую избавиться от него, но...

И я побежала. Прочь от пьяных голосов, разносящихся уже по замку. Подальше от старшего брата, ненавидящего меня и свою мачеху. Туда, где всё готово, где предстоит спрятаться, пока ситуация немного не прояснится. А дальше...

Мы с мамой надеялись на лучшее, только вот и она, и я понимали: мне не справиться с Гаспаром, не удержать власть. Отца больше нет, значит, скоро не станет и мамы. А я... Если за эти восемь дней не успеют приехать стряпчие короля и назначенный короной опекун, то у меня один выход – бежать. Оставлять в живых соперницу Гаспар не станет, подстроит мою гибель мгновенно, я и мяукнуть не успею. Или не подстроит, а просто прирежет... Либо, если не захочет руки марать, то проведу я остаток жизни в самом дальнем храме Неумолимой, у подножия горных кряжей. И, разумеется, я сама туда захочу, скорбя о безвременно ушедших родителях. И конечно же, добровольно откажусь от титула и состояния в пользу единственного близкого родственника... А «остаток жизни» моей в тех условиях будет совсем недолгим, мне там не протянуть и двух лет. Либо сама умру, подорвав здоровье, либо мать-настоятельница и сестры заметят мои способности и убьют.

Неслышный шелест песчинок казался мне грохотом сходящей с гор лавины. Минута за минутой, час за часом, день за днем... Песочные часы безучастно отсчитывали время. Им неведомы людские страсти и переживания, им безразлично, что каждый их переворот, обозначающий двадцать пять часов очередных прошедших суток, приближает неизбежное.

Я отмечала каждый этот переворот на листе, чтобы не заблудиться в безвременье, не потерять представление о том, сколько дней прошло с той минуты, как я убежала в тайный ход. Здесь все было готово для беглянки, прячущейся от единокровного брата, жаждущего денег и власти... Я знала, никто, кроме мамы, меня не найдет и не выпустит.

А она знала, что, помимо нее, некому позаботиться о ее дочери. И превозмогая страх перед разоблачением и неминуемой смертью, графиня Альенда дас Рези, сильная магичка, скрывающая свой дар ото всех, чтобы ее немедленно не сожгли, зачаровывала и дверь в тайный ход, ведущий из моей комнаты, и то, что хранилось внутри. Стазис-ларь, забитый едой на месяц. Три стазис-бочонка с питьевой водой. Одеяла и толстый тюфяк, чтобы не отсырели. Книжки, которые не позволили бы мне сойти с ума от одиночества в этом темном замкнутом пространстве. Песочные часы, чтобы они сами переворачивались, ведь я могла заснуть, забыть. Мама продумала всё. Даже закуток, отведенный под отхожее место, был прикрыт чарами. И главное – свет-камень, ровного неяркого сияния которого хватало мне для чтения.

Мама рассказывала мне сказки. Точнее, я думала, что это сказки, лишь пока была крохой. А уже лет с пяти стала осознавать, что это истории о тех государствах, в которых нет запрета на магию. Там живут волшебные народы – эльфы, драконы, оборотни и многие другие. В тех краях магов ждут почет и уважение, а не пытки и мучительная смерть в очищающем огне.

В нашем закрытом королевстве, кроме людей, обитало лишь немного гномов. Да и то, им позволено держать банки и обслуживать купленные у них механизмы, но не торговать своими другими изделиями или добывать руды и камни. А банковская сфера – это да. Наши правители не желали отказываться от преимуществ банковской системы гномов. Так же как и от механических приспособлений, не содержащих ни капли магии.

Другим народам ход к нам, в королевство Дáгра, чистое от злокозненной магии, был закрыт. Скорее всего, убить ни эльфа, ни дракона не хватило бы сил, но международный скандал вышел бы знатный. Ведь им запрещено появляться на наших землях. А нас, жителей изолированного государства, никто не выпускал в большой мир. Лишь немногочисленные проверенные купцы возили товары через перевалы на юге и севере. Ну и, само собой, беспрепятственно проезжали дипломаты и люди короля.

Наше графство располагалось у западных границ Дагры. А тот страшный храм, куда я панически боялась попасть, на севере. Ни за что не пойду в ту сторону. Сестры Неумолимой,

как говорят, сразу видят, есть ли в ком-то хоть искра дара. В народе об этой их способности ходили страшные байки. Ведь никто не знал, какими умениями обладают жрицы богини смерти, но боялись их панически. Воображали и домысливали то, что не могли проверить и подтвердить, ведь у страха глаза велики. Ими пугали детей и отчаянно боялись сами. Мол, будешь себя плохо вести, станешь ведьмой (магом), придут за тобой сестры Неумолимой...

Аристократы, те не позволяли себе такого, воспитание не допускало. А вот простой необразованный люд от своей дремучести придумывал всякое. Я, пока росла и играла с детворой замковой прислуги (за неимением других сверстников в своем окружении), чего только не наслушалась. Мама, когда я пересказывала всё это, грустно улыбалась, глядя меня по голове, но не опровергала и не давала своих объяснений.

Я потеряла глаза, уставшие от долгого чтения. Встала, сделала несколько приседаний и наклонов. Мама настрого приказала двигаться, не сидеть, не позволять застою крови и одеревенеть телу. Обязательно упражняться, как она учила: наклоняться, приседать, прыгать, вращать руками. А больше в этом маленьком помещении заняться все равно было нечем. Восемь шагов в длину, шесть в ширину, сорок ступеней вверх к секретной двери, ведущей в мои покои. Меня мама и переселила-то именно в них, когда случайно наткнулась в архиве на старинный план замка. На новом чертеже, лежавшем в отцовском сейфе, отчего-то этот потайной ход и ведущий из него тоннель отсутствовали. Графиня, обнаружив несоответствие, всё сама провела, украдкой зачаровала древний механизм открывания двери, прятавшейся за зеркалом в гардеробной, и после этого во всеуслышание объявила, мол, так как я девочка уже большая, то имею право выбрать себе новые покои вместо маленькой детской возле спальни родителей. А она готова пройтись со мной по всему замку и даст согласие на любое помещение, какое мне приглянется, если только оно не будет располагаться на чердаке или на этаже прислуги.

Надо ли говорить, что я уже знала, какие именно комнаты мне необходимо выбрать? Я и выбрала, послушно разыграв капризы и недовольство всем, что мне настойчиво предлагали, пока не «наткнулась» на нужные. За идущим в обветшалых комнатах ремонтом графиня Альенда дас Рези бдительно следила, так что тайна осталась никем не раскрытой. Хотя сейчас я уже и не вспомню, как ей удалось сделать так, что секретную дверь за зеркалом не обнаружили. Старинный чертеж мы с ней уничтожили, предварительно выучив назубок, так, чтобы смогли нарисовать по памяти. Да и по тоннелю, ведущему прочь из замка, мы не единожды вместе проходили. Я должна была там хорошо ориентироваться.

Папа над нашими развлечениями с ремонтом давно пустующих покоев и переселением меня в них посмеивался, но не мешал. Хотя не уверена, был ли он в курсе существования потайного хода. Граф очень любил и жену, и дочь. Знал, что его жена сильная магичка, знал и скрывал ото всех. А мне с младенчества приходилось носить блокирующий магические способности амулет, чтобы ненароком себя не выдать. По этой причине я до сих пор не догадываюсь, к чему имею склонность, какой у меня дар и есть ли он вообще. Мама говорила, что наверняка есть, но проверять опасно, могут засечь всплеск силы. Ведь дети совершенно не умеют контролировать себя.

Я могу управлять огнем? Или водой? Возможно, умею летать с ветром наперегонки? Или же я целитель и могла бы спасать людям жизни? Не знаю.

И вот, папы больше нет в живых. Мамы... мамы тоже больше нет.

Напрасно я ждала бесконечные восемь дней, вздрагивая от каждого шороха, порываясь бежать наверх, навстречу ей, идущей за мной.

Не пришла даже попрощаться перед тем, как ее сердце остановится.

И уже никогда не придет... А может, не было у нее и этой недели. Наверное, как она и говорила, Гаспар подстроил всё так, словно она наложила на себя руки от горя или «случайно» упала с лестницы.

Лучше бы она сама уничтожила Гаспара! Ненавижу! Как же я его ненавижу! За годы травли единокровным братом у меня не осталось к нему никаких теплых или родственных чувств. Ведь я говорила маме об этом, рассказывала, как он меня обижает, а она грустно улыбалась, утирала мои слезы, гладила по волосам и отвечала, что поклялась на крови не причинять ему вреда. Давно, тогда, когда мы еще не были для него врагами...

Слез у меня уже не осталось, выплакала. Боли... наверное, ее тоже не осталось. Не знаю. Просто сердце застыло ледяным комком. Я знала, что стану полной сиротой через неделю после того, как умрет мой отец, граф дас Рези. Всё мне было известно, мама готовила меня с детства, чтобы это не стало ударом. Говорила, что их с папой судьбы и души связаны с того самого момента, как они поженились. Ведь она маг и прошла обряд соединения с супругом... Но одно дело – знать о чем-то. И совсем другое – вдруг потерять всех членов семьи, а вместе с ними и титул, наследство, дом, слуг.

Теперь всё приберет к рукам Гаспар Рези, бастард графа. А ведь у него даже нет приставки к фамилии. Но он единственный прямой потомок отца, кроме меня...

А потому лучше лишиться всего, но жить, чем принять наследство и стать графиней, но очень ненадолго.

Я о многом передумала за этот месяц взаперти. И о прошлом, перебирая каждое светлое воспоминание и нанизывая их на ниточку памяти. И о грустных вещах, пряча их подальше. И о будущем, которое мне предстоит выстроить самой. Надо всего лишь выбраться из замка и уйти далеко. Так далеко, чтобы Гаспар Рези никогда не смог меня найти.

Знаете, что самое страшное для человека? Одиночество. Полная изоляция... Я не сошла с ума в этом своем убежище лишь потому, что твердо верила – это не навсегда. Мне нужно продержаться четыре недели, тридцать два дня, восемьсот часов... А потом уйти по тайному тоннелю, ведущему отсюда на волю, за пределы графского замка, в неприметный овраг в лесной чаще.

За месяц погоня, которую наверняка отправил за сбежавшей сестрой Гаспар, должна продвинуться далеко, проверить все окрестности, перетрясти город и ближайшие деревни. Добраться и до столицы. Ведь куда могла направиться наследница старинного аристократического рода, опасаясь за свою жизнь? Конечно же, к его величеству, искать королевской справедливости.

Время моего заточения приблизилось к завершению. Закончились продукты, строго рассчитанные на конкретный срок пребывания. Остались лишь те, что долго не портятся, и приготовленные специально для путешествия – твердый сыр, вяленое мясо, орехи, сухари. Воды осталось на доньшке одного из бочонков. А потому настала пора собираться в дорогу.

Мужскую одежду мы с мамой купили чуть больше двух месяцев назад, когда ездили в соседний городок за нарядами и шляпками. Среди кучи свертков и коробок сиятельных аристократов легко затерялся неприметный комплект, состоящий из двух скромных удобных брюк, пары серых рубашек, кожаной куртки, свитера крупной вязки из козьего пуха. Такие носили пастухи и наемники, так что никому и в голову бы не пришло заподозрить, что их владелец богат. Белье, сапоги и ремень тоже взяли мужские, никто не должен догадаться, что я девушка. Мало ли, а вдруг кто-то взлезет в мои вещи... И плащ с капюшоном – непременный атрибут путешественников. Нателный широкий пояс-корсаж, чтобы спрятать под одеждой кое-какие важные бумаги. Простенький недорогой кинжал на всякий случай и пристегивающаяся к поясу

фляга для воды. В котомке мелочи, необходимые всем, кто отправляется в дальний путь, сменная одежда и съестные припасы. Вот и всё имущество...

Если я выберусь... *Когда* я выберусь, то куплю нужные вещи подальше отсюда. Мы с мамой всё продумали и обсудили на всякий случай. Ни я, ни она не питали иллюзий о благородстве Гаспара. Надеялись на лучшее, но готовились к худшему.

Она верила в меня, а я, хоть и обмирала от ужаса при мысли, что мне придется одной уходить в неизвестность, не показывала вида, чтобы не расстраивать. Не представляю, как справлюсь, насколько это трудно – передвигаться по стране одной, без охраны, сопровождения и надежного спутника, получится ли... Но выбора у меня нет, а значит, придется бороться за свою жизнь.

Осталось последнее – отрезать волосы. Мою гордость и красу, длинные, тяжелые, каждая толщиной в руку косы цвета пшеницы... Этого я, кажется, страшилась больше всего, откладывала до последнего. Вот и сейчас. Пальцы, сжимающие кинжал, занесенный над одной из них, дрожали. Невыносимо сделать всего одно движение и лишиться этого богатства.

Смолодушничала, честно признаюсь. Не стала я отрезать волосы так, как велела мама, до самых мочек ушей. Просто не смогла. Зажмурилась и чиркнула чуть ниже плеча. Все равно не видно станет, какой они длины, а я хотя бы в глубине души буду знать, что не острижена как мальчишка-простолюдин.

Золотая толстая коса с шорохом сползла на пол, и я поспешила избавиться от второй, пока не накрыла новая волна отчаяния. Хотя что уж теперь... Потеряв всё, по прическе не плачут. Да и мама обещала, что всё наладится со временем, а волосы отрастут, когда я смогу разблокировать свой магический дар и потоки силы начнут свободное движение в теле и ауре. При условии, что он есть у меня, этот дар. Ну а если нет, то спустя время всё наладится и красота вернется естественным путем.

Остаток последнего дня в потайной комнате я потратила на то, чтобы полностью скрыть следы своего присутствия. Наполнила остатками воды из бочонка дорожную флягу. Переложила подходящие продукты в котомку. Все несъеденное, но то, что брать в дорогу нельзя, бросила в лохань, заменявшую мне отхожее место. Туда же ушли и косы, на которые я долго смотрела, прощаясь с прошлой жизнью, а потом все же позволила им выскользнуть из моих пальцев. Их зеленый всполох магического огня пожрал быстро и довольно. Не зря, похоже, мама утверждала, что в волосах особая сила.

Как она рассказывала в своих сказках, в далеких краях живут ведьмы, они никогда не стригутся. Мол, вся сила у них скапливается в волосах. Возможно. Я не ведьма, а, вероятнее всего, магичка, пусть и с неизвестным и нераскрытым даром. Мне, наверное, можно. Хотя опять же, по словам мамы, древние магические народы, к примеру эльфы или драконы, тоже растят косы, даже мужчины, подумать только. Но почему, не объяснила.

Вслед за остатками пищи и мелким мусором в магический огонь ушли исписанный и изрисованный блокнот и простенькие, купленные в городе романчики и сказки на дешевой серой бумаге и без картинок. С тех пор как около сорока лет назад гномы, не обладающие магией, но являющиеся талантливыми механиками, изобрели печатные станки, книги перестали быть роскошью, доступной лишь богатым. Теперь их печатали и для прочих сословий. И даже у нас, не принимающих магию ни в каком виде, изобретение гномов прижилось. И вот такие дешевенькие книжонки низкого качества не жалко уничтожить. Оставлять нельзя, никто не должен догадаться, что именно я тут пряталась, а тащить с собой лишний груз неразумно, ведь мне предстоит передвигаться пешком. В ту же заколдованную лохань отправились порезанные на куски платье, сорочка, белье и туфельки. Я же полностью переделалась в мужскую одежду.

Вроде всё.

Я обошла со свет-камнем в руках всё помещение. Проверила каждый угол. Убедилась, что не осталось ничего, кроме тюфяка и одеял, а также ларя и бочонков. Последние спустя несколько часов распадутся трухой, лишившись стазис-чар. Постельные принадлежности мама сказала тоже не уничтожать, так как они зачарованы и совсем скоро истлеют и превратятся в пыль. Песочные часы уже начали осыпаться кучкой мелкого мусора. А лохань, служившая мне ночным горшком и местом уничтожения всего ненужного, сама себя сожжет в тот момент, когда спадут и все прочие заклинания.

Где же графиня Альянда дас Рези научилась всему этому?! Где?! Как она смогла зачаровать столько предметов такими разными заклинаниями и при этом не всколыхнуть пространство, раз сестры Неумолимой ничего не почувствовали?

Она так и не рассказала. Обещала, что позднее, когда я стану взрослой, непременно всё узнаю, но...

Куртку и плащ я надела на себя, чтобы меньше нести в руках. Спрятала подальше кошелек с мелкими монетами на первое время (несколько золотых зашито в подкладку плаща и куртки, в ремень и разложено под стельками сапог), прицепила к поясу флягу и кинжал. Наконец подхватила котомку и обвела последним взглядом мрачные темные стены подземного помещения отцовского замка.

Прощайте, мама и папа. Пусть богиня будет милосердна, позволит вам встретиться и после смерти, ведь вы так любили друг друга.

Прощай и ты, мой единокровный брат, мой враг. Тот, кто убил мою маму, своими ли, чужими ли руками. Она предвидела это. Если бы не внезапная смерть, то ничто не помешало бы ей зайти ко мне, чтобы освободить или попрощаться, в зависимости от обстановки в замке.

Повинуясь какому-то внезапному импульсу, порыву души или интуиции, уж не знаю, я уколола мизинец, наклонилась и мазнула каплей крови по стене у самого пола, там, где это будет незаметно.

– Прощай, милый дом. Я твоя последняя законная хозяйка. А Гаспар... Что ж, если он будет хорошим правителем для своего народа, то так тому и быть. Но если нет, если он примется проигрывать в карты и пропивать то, что веками копили и возводили наши предки, устроит тут притон для своих разнузданных приятелей, начнет притеснять людей... Отомсти ему за меня и за мою маму. Пусть родные стены станут ему могилой. А ты не пропадешь. Его величество найдет тебе новых хозяев. У папы есть какая-то очень дальняя родня, которую он никогда не видел, лишь слышал о ней. Пусть лучше они, чем Гаспар. А я не вернусь.

Под моими пальцами чуть дрогнул камень. А может, мне показалось. Я так эмоционально устала за эти дни, что порой теряла связь с реальностью.

Наверное, все же примерещилось. Землетрясений в наших краях не бывает.

Глава 2

Свет-камень занял свое место в чехле, не пропускающем ни отблеска наружу, лишь в специально приоткрытое отверстие. Так можно направлять луч под ноги, чтобы не свернуть себе шею, но при этом его не видно издалека.

По тоннелю я шла долго, намного дольше, чем когда мы ходили тут вдвоем с мамой. Или мне так показалось, потому что я постоянно замирала и прислушивалась к шорохам и звукам? Мало ли, вдруг Гаспар пронюхал про этот ход?

Но нет, дошла до выхода наружу и никого не встретила. Буду надеяться на то, что и там никого не окажется.

Последнее, но главное, что я должна была сделать, но откладывала до последнего. То, что должно спрятать меня ото всех, кто знает и видел наследницу графа дас Рези... Надеть амулет личины. Самый мощный и лучший. Из тех, что изменяют не только облик, но и запах, и даже ауру. И предположить не берусь, где и как мама сумела его достать. Я сама узнала о его существовании (и о том, что подобные штуки вообще бывают) лишь в тот момент, когда она надела мне на шею скромный на вид серебряный кулон с потускневшей от времени бирюзой. Неприметное дешевое украшение, какие могут позволить себе даже зажиточные селянки.

И тем сильнее было мое удивление, когда она рассказала, что это за амулет, как его активировать кровью, как он действует, и то, что с того момента он будет невидим для всех, кроме меня. Так можно не бояться, что кто-то позарится на подвеску и попытается с меня ее сорвать.

Теперь из подземного хода выйдет наружу не красавица Рэмина дас Рези, а чуть нескладный мальчишка-подросток. Я довольно высокая для женщины, как и мама, так что в личине мой рост останется неизменным, для парня это нормально. И даже на ощупь я буду пацаном. Потому и подштанники мужские приобретали, что мне не понадобится женское белье.

Активировав амулет, меняющий облик, я оглядела свое тело, прислушиваясь к ощущениям. Занятно...

Дверь послушно скользнула в сторону, как только я прикоснулась пораненным мизинцем к нужному камню. Мама его зачаровала на мою кровь. Скоро и это заклятие исчезнет, и тогда ни одного следа не останется ни от меня, ни от магии. Обычный, давно забытый и брошенный старый тоннель, ведущий в графский замок.

Затянув ту же мешочек со свет-камнем, чтобы не привлечь ненужного внимания, я замерла на пороге. А когда спустя несколько минут, в течение которых я тщательно вглядывалась в темноту и прислушивалась, все же вышла наружу, то голова закружилась от свежего воздуха. Ох... Я и не предполагала, что *там* было так душно. Запахи леса, окончательно проснувшегося после зимней спячки и налившегося весенними соками, обрушились лавиной, заставляя ненадолго потеряться.

Я задышала часто, как собачка, чтобы не стошнило, ведь даже такие вот не деликатные вещи многое скажут опытным людям. Нельзя допустить. А ходить так, чтобы не шуметь и не оставлять за собой следов, я умею. Папа был любителем охоты и часто брал нас с мамой. Оружием я не владею, нет, но превосходно езжу верхом и умею ориентироваться и передвигаться в лесу.

Придя в себя, снова огляделась. Местность я по маминому настоянию изучила заранее, куда идти, хорошо представляла. Сначала по дну длинного оврага, подняться наверх в том месте, где корни старого толстого дуба торчат наружу бугристыми темными узлами, а дальше, ориентируясь на расположение ночного светила, идти в сторону северной границы нашего графства.

А оставив за спиной родные земли, обогнуть их по дуге уже во владениях нашего ближайшего соседа, престарелого барона Женри́, и двигаться на юг через всю страну. Там располагается один из двух перевалов, ведущих на территории, оскверненные магами и их чародейством. Страны, в которых сестры Неумолимой не имеют силы и власти. Где живут не только люди.

Шла я до самого рассвета, благо сияния луны хватало, а отцовские земли я знала как свои пять пальцев. И лишь когда взошло солнце, отыскала укромное местечко и спряталась, чтобы дать отдохнуть гудевшим от усталости ногам и поспать. Опасно пока сталкиваться с людьми, так что ближайшие несколько суток я буду вести ночной образ жизни.

Хорошо, что весна уже на исходе, земля пусть и не прогрета, но всё же не осталось ни снега, ни ледяных луж, ни слякоти. За тот месяц, что я сидела взаперти в подземелье родного замка, природа полностью проснулась. Деревья и кусты украсили свои голые ветки листочками, а нежная зеленая травка покрыла землю. Случись мой побег зимой, я бы не выжила, замерзла где-нибудь в лесной чаще.

С наступлением темноты вновь двинулась в путь. Припасы у меня пока имелись, флягу наполняла в ручейках и родниках, в них же умывалась.

И так ночь за ночью, механически переставляя ноги и уходя всё дальше. Сначала по графству дас Рези, а после, перешагнув условную границу между двумя владениями, по землям барона Женри́. Но вот и они остались за спиной. Старенький аристократ не так хорошо следил за своей территорией, как мой отец, но все же хищников в его лесах не было, а грабителей и лиходеев, если они и завелись (хотя аристократы старались этого не допускать), мне повезло не встретить. Селения и деревни я старательно обходила стороной, опасаясь нарваться на погоню, которую Гаспар наверняка отправил за мной. Так и шла в темноте, освещая себе путь под ногами лучом свет-камня, чтобы не споткнуться и не угодить в яму или овраг. Погода благоволила, небо оставалось чистым, и луна была моим единственным спутником в эти долгие ночи. А с наступлением рассвета я пряталась и проваливалась в тяжелый беспокойный сон.

Один раз едва не столкнулась с охотниками. Думала, заметят меня, но повезло, что у них не было собак. От животных так легко не скроешься... И все равно, забившись, словно дикий зверь, в корни поваленного непогодой старого дерева, я обмирала от страха, что меня обнаружат, вслушиваясь в лошадиное ржание и стук копыт, в веселые мужские и женские голоса, перекидывающиеся репликами. Судя по поведению, их не особо интересовала добыча, скорее это был повод прогуляться верхом, покрасоваться друг перед другом, а потом устроить пикник. Забавы аристократов... Мы с мамой и сами точно так же выезжали якобы на охоту.

Четких границ между владениями высоких лордов королевства Дагра не было, поэтому я плохо представляла, на чьих территориях нахожусь в данный момент. Уверена в одном, двигаюсь я в нужном направлении, а родной дом остался далеко позади.

Припасов, взятых из стагис-ларя, хватило на десять дней. Я и так растягивала их как могла, стараясь довольствоваться малым.

Но все же пора было выйти к людям, чтобы купить еды в дальнейшую дорогу. Решила сделать это тайком, не привлекая внимания. Когда закончились последние крохи в котомке, свернула к первому же селению, встретившемуся на пути. Дождавшись, пока сядет солнце, я постучалась в стоящий в отдалении от других, более благополучных строений, старенький домик с покосившимся забором.

– Кого там нелегкая принесла на ночь глядя? – спросил старческий голос из-за двери.

– Пусть благословит Неумолимая ваш дом, хозяйка, – тихо ответила я. – Путник я. Не продадите немного еды?

– Экий ты смешной, путник, – дребезжаще рассмеялась сгорбленная старуха, открывшая мне дверь. – Была бы у меня самой еда, и то бы не продала.

– А может, подскажите, у кого бы мне купить немного хлеба и сыра?

– Да на порог тебя никто не пустит, милоч, – окинув изучающим взором, она скрюченными пальцами ухватила меня за рукав и втащила внутрь. – Ночь плохое время. Ни один человек с тобой и говорить не станет, собак только спустят.

– И что же мне делать? – понурилась я.

То, что ночь – плохое время, все знали. Часы, когда приличным людям надлежит сидеть по домам. Лишь душегубы и отчаянные (вроде меня) путешествовали под светом луны. И не то чтобы это было чем-то чревато, но людские страхи сильнее доводов разума. И хотя в Дагре не водилось ни нечисти, ни нежити, народ боялся времени Неумолимой.

– Пару морковок я тебе дам, спать можешь лечь вон в том углу, – ткнула она куда-то в глубь комнаты. – А как солнце взойдет, поговорим.

– А вы... не боитесь меня пускать, хозяйка? – растерянно спросила я.

Странно всё же. Пусть облик, наведенный амулетом личины, у меня безобидный – худой мальчишка лет четырнадцати на вид, с довольно симпатичной рожицей, лохматыми темными волосами и карими глазами, но все-таки...

– Да это ты, малец, бояться должен, – рассыпался горохом ее сухой смех. – У меня-то брать нечего, ни денег, ни вещей нормальных нет, дом разваливается, да и годы мои – не твоим чета. Я уже одной ногой на пороге владений Неумолимой. Так что ложись спать, сирота. Утро вечера мудренее.

– Но я... Откуда вы?..

– Были б у тебя родители, не позволили бы малолетке шататься одному в чужих землях, да еще по ночам.

Поняв, что ничего не понимаю, и боясь сказать лишнее, я молча поклонилась доброй женщине так, как это принято у селян. Она хмыкнула чему-то своему, выудила откуда-то две дряблые морковки и сунула их мне в руки.

– Мытые.

И ничего больше не добавив, отвернулась и поковыляла в сторону печки, белевшей слева от входа.

– Звать тебя как, путник? – донесся из темноты вопрос.

– Рэм.

– Стало быть, из благородных... – сделала она свой вывод. – Жуй быстрее, Рэм, да ложись в углу спать. Ночь – время Неумолимой, не будем ее гневить.

Я поежилась, но отвечать не стала. Прошмыгнула в указанный угол, ступая по скрипучим разохшимся половицам, быстро сжевала нехитрый ужин и, закутавшись в плащ, затихла. Весь световой день я пряталась на окраине леса от селян, которым вздумалось бы пойти за хворостом или поставленные силки проверить, и потому не спала, лишь изредка проваливалась в тревожную дрему. Так что сейчас усталость навалилась свинцовой плитой, и я заснула, кажется, едва моя голова коснулась котомки, служившей мне в пути подушкой.

А проснулась от кашля хозяйки дома и звуков, которые она издавала, занимаясь делами. Высунув голову из-под плаща, я сонно заморгала.

– Вставай, Рэм. Разговаривать будем. Умыться можешь там, – не поднимая глаз от маленькой кучки крупы, которую перебирала на столе, ткнула в сторону печки хозяйка. – И пару картофелин можешь взять.

Я молчком поднялась, проскользнула, куда велено, и поплескала в лицо холодной воды из деревянной старой бадейки. Утерлась рукавом и, взяв две из четырех отварных картошин, лежащих на скособоченном низком шкафчике в углу, вернулась к старухе.

– Ешь, пока теплые. Потом расскажешь, куда путь держишь, – все так же, не отвлекаясь от своего занятия, буркнула она.

Странная все же селянка. Или они все такие?

Ела я, украдкой осматриваясь. Дом действительно настолько ветхий, что кажется, рассыплется от сильного ветра. Из обстановки – печь, разошедшийся шкафчик для кухонной утвари, потемневший от времени стол с щербинами да две скамьи, на одной из которых сидела я. На двух крохотных оконцах застиранные до неопознаваемости тряпки, заменяющие шторы. Рядом с углом, где я спала, перекошенное кресло-качалка, выглядящее тут чуждым и инородным.

На хозяйку дома я старалась не смотреть, чтобы не смущать ее разглядыванием. Не всем нравится пристальное внимание, а она была ко мне добра. Но я успела оценить, что хоть и одета она практически в тряпье, но тряпье это чистое и аккуратно заштопанное, а ее седые волосы тщательно причесаны (ни прядки не выбивается) и прикрыты косынкой.

Сама не заметив как, я доела завтрак и озадаченно обнаружила, что чуть не укусила себя за палец. Плохо. Рассеянность я себе позволить не могу.

– Где твой музыкальный инструмент, Рэм? – неожиданно нарушила тишину пожилая женщина.

– Что? Почему вы?..

– Ты же странствующий менестрель, да? Идешь мир повидать, Дагру всю насквозь решил пройти, коли своего дома нет. А благородное сословие своих детей музыкальным премудростям сизмальства обучает. Так где же твой музыкальный инструмент?

– А-а... он...

– Стало быть, лиходеи сироту обидели. Понятно. Разбили они твою... гитару... – мазнула она взглядом по моим пальцам, и я невольно их нервно сжала. – И ты собираешься пока просто петь, чтобы заработать монет на новую. Для менестреля ведь его инструмент – первый кормилец. Так?

– Д-да.

– Лиходеев было трое. Один косой на правый глаз. Второй – с рябой рожей. А третий – с выбитыми передними зубами. Так?

– Д-да...

Я окончательно потерялась в происходящем, но чувствовала, что мне хотят помочь. Пусть не едой или деньгами, но мудрым советом и ле-гендой.

– Вот и попросишься, значит, в компанию к кузнецу нашему. Он через часок поедет в город за покупками. Пообещаешь, что скрасишь путь ему песнями да разговорами. Так?

– Да, – медленно кивнула я.

– Правильно ты решил, путник. Негоже малолетнему сироте шататься по дорогам. А из новостей сам мне что расскажешь? Ничего? Ну тогда я тебе... Севернее наших земель лежит графство, так там ох и много всего произошло. Старый лорд дас Рези скончался от болезни. Вдова его руки на себя наложила в тот же день, горевала сильно. А новый владетель дас Рези, бастард который, лютовал последний месяц. Говорят, сестра его единокровная пропала. Точнее, отыскивали уже ее тело, обглоданное волками. И откуда только взялись-то? Чудеса прямо. Сбежала молоденькая дуреха из дому и померла смертью страшной. Одни косточки только и нашли да обрывки платья, по нему и опознали останки.

Я затаила дыхание, боясь выдать себя хоть чем-то. Мама... Моя дорогая мамочка... Все же убил ее Гаспар.

– Бастард-то титул принял, коли он единственным графским потомком остался. Даже королевские дознаватели подтвердили смерть юной графинечки. А стало быть, и некому больше наследовать земли дас Рези.

– Я... не проходил по тем местам. А что еще нового? – тихо проговорила я, не поднимая глаз. Уставилась в столешницу, будто ничего интереснее не видела никогда в жизни.

– А более ничего, милоч. Ничего, что могло бы быть любопытно маленькому менестрелю. Все прочие лорды ничем интересным не отличились. Всё по-старому. А ты лучше за собой следи, всё ж мужик, хоть и недоросль, а повадки чисто у девицы на выданье.

Я вздрогнула всем телом и испуганно вскинулась.

– Вспоминай-ка, менестрель, как вели себя отцовские друзья и гости сиятельные, да подражай. Коли уж ты из благородных дворян, пусть и безземельных и обнищавших, то не хохорься сильно, на рожон не лезь, – всё же ребенок ты еще, к тому же без защиты рода, – но и не пытайся выглядеть как простолюдин. Все равно не выйдет.

– Я...

– Менестрелей народ любит. И накормят в благодарность за песни и музыку, и угол выделят для ночлега. А уж в трактирах да тавернах и заплатят, коли угодишь. А благородные, пусть и нищие, стихам обучены и грамоте, мелодии знают красивые, не чета нам, простым людям. Всё понял?

В меня вперился пристальный тяжелый взгляд.

– Всё! Спасибо, хозяйка.

– Вот и славно, путник Рэм. А фамилия-то твоя какая? Не Дирсаез, случаем?

Я помедлила. Дирсаез – это явная анаграмма от дас Рези. Но я не хочу, чтобы хоть малейший след вел к моему родовому имени. Вдруг умный кто да догадливый встретится на пути.

– Нет, – решительно отказалась я. – Ура́гус. Но менестрелям ведь ни к чему использовать родовое имя.

– Хорошая у тебя фамилия, – без тени улыбки кивнула загадочная старуха. – Мне всегда нравились эти птички. Голосок у них звонкий, перышки розовые, красивые. А сейчас ступай. Тебе еще с кузнецом договориться нужно, чтобы подвез до города.

– Благодарю вас за гостеприимство, хозяйка, – выскользнула я из-за стола. – Вот...

– Ничего не надо, – отрицательно качнула она головой, увидев, что я потянулась к карману. Хотела ей монетку оставить за еду и ночлег. – Мой срок пришел, и двух недель не протяну. Небось, Неумолимая зачтет мне добрый поступок. Ступай, юный менестрель Рэм. И да хранят тебя все боги, а не только суровая Неумолимая.

Я снова вздрогнула, так как в нашем королевстве любая вера и любое упоминание иных богов, кроме Неумолимой, каралось немедленной смертью. Многие знали, что существует целый пантеон, но подробностей не ведали и детям об этом старались даже шепотом не говорить. Маленькие они, сболтнут, и вся семья на казнь отправится.

Да кто же эта женщина, приютившая меня?! Не верю, что простая необразованная селянка.

Я сделала два шага к двери, но была остановлена последним напутствием:

– Ты, менестрель, скорбь-то свою спрячь. Улыбайся на людях, а горевать будешь, когда тебя никто не видит. Улыбайся, песни пой веселые. Народу хочется радости, тогда и платить хорошо станут. Чужое горе редко кого трогает, у самих бед немало. А вот тех, кто поможет развеять тоску и печаль, снимет тяжесть с сердца песней задорной али музыкой плясовой, ценят и любят. Так что – улыбайся, как бы ни было плохо.

– Благодарю за кров, еду и напутствие, хозяйка, – снова поклонилась я. Но уже так, как лорды склоняются перед леди. Не проста эта женщина, ох и не проста.

Она отмахнулась и вернулась к своему занятию, выискивая в крупе соринки и откладывая их в сторону.

А я вышла из дома, постояла осматриваясь. Рассвело недавно, роса еще не просохла на траве, и было зябко. Закутавшись в плащ, я сначала хотела стгорбиться, чтобы стать меньше и незаметнее, но потом, прокрутив в голове все услышанные только что советы, выпрямила спину и подняла подбородок.

Пусть я для всех теперь буду менестрель, мальчишка-сирота, но из «благородных», а значит, не пристало мне сутулиться и стыдиться себя. К тому же я все равно не смогу вести себя как простолюдин, старуха права. Выдам происхождение неизбежно, ведь манеры и этикет в меня закладывали с рождения. Просто сейчас мне нужно сделать поправку на то, что я временно – мальчишка.

И улыбаться! Ну что ж, я стану улыбаться. Мои боль и горе спрятаны в сердце и душе. Когда-нибудь станет легче, и я смогу веселиться и смеяться по-настоящему, а не потому, что играю роль. А пока я буду выглядеть радостной и беззаботной, раз так надо, чтобы выжить.

И выживу, назло Гаспару и его друзьям. Выживу, уйду далеко, туда, где он меня никогда не найдет. И начну всё с чистого листа.

Из кузни, располагавшейся на другом конце небогатого селения, шел черный дымок и доносился металлический стук. Кузнец или его помощник уже занимались делами. Вот туда я и направилась.

Заглянув во двор, обнаружила телегу, запряженную флегматичной крепкой кобылой. Из-за дома доносились два голоса: хриплый мужской, отдающий указания, и ломающийся мальчишеский. Вероятно, кузнец оставлял распоряжения подмастерью на время своего отсутствия.

Глава 3

– Эй! Хозяева! – крикнула я, стоя у калитки.

– Ну? – шагнул из-за угла здоровенный лысый мужик с суровым лицом. – Кто таков? Чего надобно?

– Менестрель я, хозяин, – улыбнулась я, втягиваясь в роль. – Мне одна птичка весть принесла на хвосте, что вы в город собрались. Не возьмете попутчика? Денег нет, – развела руками, – но оплатить дорогу смогу песнями да сказками.

– Кажется, той птичке пора хвост оципать, – прищурившись, осмотрел меня кузнец. – Плащ распахни!

Я послушно откинула за спину полы плаща, позволяя осмотреть свой скромный наряд и невзрачный кинжал на поясе.

– Из благородных, что ли? – сделал свои выводы мой собеседник.

Непонятно, с чего такой вывод, но интересоваться я не стала.

Тут из-за дома высунулся примерно мой ровесник (в нынешнем обличье) с конопатой физиономией, встрепанной шевелюрой и блестящими от любопытства глазами.

– Из них, – продолжая улыбаться, призналась я. – Да только не всем благородным везет спать на перинах и есть с золотых тарелок.

– Сирота? – кивнув своим мыслям, спросил кузнец и, не глядя, отвесил легкий подзатыльник слишком высунувшемуся подмастерью.

– Ой! Дядька Жух! – воскликнул пацан, подмигнул мне и спрятался.

– Сирота, – подтвердила я, перестав улыбаться.

– А играешь на чем? Не вижу что-то у тебя струмента.

– А *инструмент*, – ненавязчиво исправила я, – разбили. Лиходеи... Сам-то я сбежать успел, а вот гитару мою растоптали. Один кривой такой, а у второго рожа рябая совсем.

– Садись в телегу, сейчас выезжаем, – указав мне подбородком направление, скомандовал он. – Мотька! Уши оборву, если к моему возвращению не сделаешь, что велено, – заглянув за угол, рывкнул он.

Конопатый Мотька звонко заверил, что всё исполнит.

А как только кузнец направился к телеге, на которую я уже взгромоздилась, пока он не передумал, пацан снова высунулся и, весело скалясь, второй раз подмигнул мне. Смешной. Я спрятала ответную улыбку, чтобы не выдать его.

Мы выехали со двора и неторопливо двинулись сначала по селению, а потом и за него выбрались.

– Есть хочешь? – только тогда заговорил невозмутимо правящий лошадкой мужик.

– Не откажусь. А вы что послушать хотите? Сказки или спеть вам что-нибудь?

– Спеть я и сам могу, – фыркнул он, не глядя на меня. – В корзине возьми пирожок из тех, что в синей тряпице, эти с яблоками. А как съешь, сказки будешь мне сказывать, менестрель. Ехать нам долго, а заночуем в лесу.

– О... – озадаченно протянула я, пытаясь сообразить, а куда я еду-то? Понятно, что в город, но в какой?

– Что, птичка забыла прочирикать, куда я путь держу? – беззлобно хмыкнул кузнец, поняв мое замешательство.

– Забыла, – честно призналась я.

– Птички, они все такие... На хвосте новость принесут, толком не зная, что к чему.

Дядька Жух, как он велел себя называть, оказался вовсе не таким грозным и сердитым, как выглядел. Беззлобный, даже благодушный по-своему, хотя и себе на уме. Меня он ни о чем не расспрашивал, в личную жизнь не лез, именем только поинтересовался. Слушал сказки, коих я знала великое множество, отмахивался от моих предложений спеть, заявив, что песни «благородных» ему не нравятся. А народных я, поди, еще и не знаю, больно уж зеленый и дохлый. Сразу видно, недавно на путь менестреля встал.

Я же воспользовалась случаем и попросила научить меня этим самым народным песням. Даже вынула из котомки обычную дешевую тетрадь, купленную еще с мамой, давно, и карандаш. Записывала слова под диктовку и разучивала нехитрые мелодии.

Скрывать, что я обучена грамоте, теперь не нужно, раз уж я «из благородных».

В обед мне был выдан еще один пирожок, но уже с капустой, кусок сыра, луковица и два ломтика сала. Лук мне ранее есть сырым не доводилось, впрочем, как и сало, так что я приступила к трапезе с некоторой опаской. А дядька Жух посмеивался, глядя на мои гримасы и катящиеся градом слезы.

– Что, не приучен ты к лучку-то? – хохотнул он. – А надо бы. Он всю заразу убивает, так что ешь его чаще, пацан, если не хочешь животом и хвоями маяться.

– Постараюсь, – выдавила я из себя, шмыгая носом и стараясь не дышать.

Какой ужас! Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть есть лук вот так, словно яблоко? А ведь мой кормилец даже не жмурится, хрустит как ни в чем не бывало...

Меня и ужином накормил сердобольный попутчик. Не изысканным, само собой, но сытным – толстый ломоть ветчины, ароматный свежий хлеб, всё тот же сыр и на сладкое еще один яблочный пирожок. Ни разу я еще так плотно не ела в пути. А ночевали мы в телеге, съехав с дороги чуть в сторону. Даже костер разводить не стали, только закутались каждый в свой плащ, прячась от ночной прохлады.

К обеду следующего дня мы прибыли на место. Моя тетрадка была основательно исписана текстами песенок, а голова пухла от множества мелодий, но я была безмерно признательна кузнецу.

– Спасибо, дядька Жух, – поблагодарила я, спрыгнув с телеги, когда мы въехали во двор постоянного двора неподалеку от городских ворот.

– Ну бывай, Рэм, – добродушно потрепал он меня по голове. – Пусть хранит тебя Неумолимая. Пока не стемнело, загляни в центре города в трактиры попрличнее и попросись, чтобы пустили вечером выступить. Вид у тебя порядочный, так что не должны отказать. И покупай себе новый струмент.

Я не стала его исправлять, а вот то, что мне позарез нужно купить инструмент, тут кузнец прав. И, пожалуй, имеет смысл сделать это до того, как я начну просить трактирщиков пустить меня выступить в их заведениях. С чего-то нужно начинать новую жизнь.

В этом городе я ни разу не бывала, а потому найти лавку, торгующую инструментами, удалось лишь через пару часов. Там долго осматривалась, приценивалась... Приобретать дорогую гитару – неразумно. Во-первых, не стоит вводить в искушение лихих людей, во-вторых, ну откуда у малолетнего странствующего сироты деньги на дорогой инструмент?

А потому, приняв решение, я попросила хозяина лавки подобрать мне гитару дешевую, неприметную, безо всяких украшений, позолоты или инкрустации. Главное, чтобы играла чисто.

– Новых таких нет, – спокойно ответил мне худощавый мужчина средних лет, оценив мой вид и платежеспособность.

– А не новых? – правильно поняла я его слова. – Мне ведь главное, чтобы играть на ней можно было.

Прикинув что-то, он вышел в подсобное помещение и вернулся с двумя гитарами. Одна явно новее и приличнее на вид, вторая – старенькая, поцарапанная.

– Выбирай, – насмешливо хмыкнув, выложил их передо мной хозяин лавки.

– А цена? – не торопясь приступить к осмотру, поинтересовалась я.

Как и следовало ожидать, та, что была поцарапанной, стоила дешевле и мне вполне по карману. Ну, то есть не мне, а мальчишке-менестрелю.

Проверив обе, я с удивлением поняла, что, несмотря на неказистый вид, именно обшарпанная звучит чище. Только струны заменить, да и то не сразу, еще и эти послужат какое-то время. Разумеется, именно эту гитару я и взяла, отсчитав нужное количество монеток.

Вот теперь нужно искать место и для выступления, и для ночлега.

С этим оказалось не так-то просто. Из четырех трактиров меня выгнали, даже не пожелав разговаривать. В пятом выслушали, выступить позволили, а вот кормить и предоставить хотя бы угол для ночлега отказались. Мол, что заплатят мне посетители, если им понравится, то и мое.

И лишь когда я отошла подальше от центра города, в шестом по счету месте, мне повезло. Этим трактиром владела крупная, мужиковатого вида женщина, с замашками бывшего гвардейца. Она меня не только выслушала, но и согласилась допустить к посетителям. Не иначе – пожалела усталого ребенка.

– Спать можешь в чулане под лестницей, там всё равно кроме хлама ничего нет. Наверх – не подниматься, там комнаты сдаются. Напьемся – выгоню взащей.

– Да я вообще не пью!

– Выступать весь вечер, до последнего посетителя. Хочешь – брякай на этой своей развалюхе, – кивнула она на гитару, – хочешь – пой, хочешь – сказания сказывай. Что заработаешь, всё твое. Хоть монеты, хоть угощение.

– А вам что с меня причитается, госпожа Му́на? – деловито уточнила я и улыбнулась. Мне же нужно располагать к себе людей, я помню.

– А мне с тебя причитается то, что людям должно прийти по душе твое выступление, чтобы захотели посидеть подольше, заказать побольше. Да еще и на следующий день пришли тебя послушать. Понял? А если и мне понравится, как ты себя покажешь, то кормить буду и позволю неделю отработать тут.

– По рукам!

Женщина, нахмурившись, оглядела меня и выдала:

– Не так быстро. Чтобы до вечера привел себя в порядок. Общественная баня на соседней улице есть. Иди помойся, а то от тебя воняет. Да и одежду смени, если есть запасная. А нет – так эту почисть. У меня приличное заведение.

Я сжала зубы, чтобы не сказать в ответ резкость, уж больно оскорбительно звучали ее слова. Но сдержалась, признавая ее правоту. После скитаний по лесу, ночевки в ужасных условиях и умываний из ручьев... Права она, хоть и грустно мне это.

– Не успел, госпожа Муна. Только пару часов как приехал, – извиняясь за свой плачевный вид, повинилась я.

Она кивнула, махнула рукой в сторону выхода и отправилась на кухню, дав понять, что разговор окончен.

На соседней улице, как и сказала трактирщица, действительно обнаружилась общественная баня. Причем, учитывая расположение, вполне приличная. Понятно, что дворяне и зажиточные купцы ею не пользовались, но и бродяг и всякого сброда не было. Как понимаю, основная публика – торговцы, мастера и прочий простой, но честный люд. То, что нужно в моих условиях.

Небольшая заминка всё же произошла, когда меня скептически оглядел дедок, берущий плату и выдающий при необходимости банные принадлежности.

– Чего тебе, пацан? – поджал он губы, оценив мой запачканный плащ и пыльные сапоги.

– А ты как думаешь, дедушка? – играя роль веселого менестреля, улыбнулась я.

– Что я думаю, тебе знать не надобно, – прищурился он, сделав свои выводы о моей платежеспособности, и успокоился. – Мыло и полотенце надо или свои принес? Прачкам будешь чего оставлять?

– Надо и буду. Белье, штаны и рубашку надо выстирать. К завтрашнему утру всё будет готово?

– Само собой.

– Отлично. Сколько с меня? Только по-честному, дедушка. Я же всего лишь менестрель, много с меня не требуй.

– Прыткий какой, – хитро усмехнулся он, но цену назвал разумную.

А когда я отсыпала нужное количество медяков, кряхтя встал и достал со стеллажа банный комплект – баночку с жидким мылом, лоскут жесткой ткани и простыню, заменяющую полотенце. А я, пользуясь случаем, еще и щетку выпросила, чтобы привести в порядок плащ. Оставлять его прачкам нельзя, там в подкладке золотые зашиты.

– Вещи в шкафчик спрячь, ключ держи.

– А не сопрут? – забеспокоилась я. Мне ни разу не выпадало случая бывать в общественных банях, так что опасения мои были вполне оправданны.

– Не бойсь, пацан. У нас заведение чистое, шваль не пускаем. Да и нет пока никого, ты единственный посетитель сейчас. А вот к вечеру набьется народ.

И только тут я осознала, что мыться мне придется в мужском зале. Я ведь сейчас мальчишка. У меня аж кровь от лица отхлынула, когда я это поняла.

– Эй, ты чего, парень? Болезный, что ли? – замер банщик, взглядевшись в меня.

– Устал просто, дедушка, – мотнула я головой. – Больше недели нормально не спал, все в пути да в пути. Сам понимаешь, менестреля ж не только талант кормит, но и ноги.

– Хлипкий ты больно, – прошамкал он. – Давай свою гитару, покараулю, чтоб не уронил кто, ежели придут, пока ты моешься.

Спорить я не стала. За музыкальный инструмент и правда волновалась. Денег у меня немного, что ждет впереди, неизвестно, а выступать нужно уже сегодня.

Шкафчиком для хранения вещей я, конечно, воспользовалась, намотав потом веревочку, на которой висел ключ, на руку. Было бы странно, если бы я понесла котомку и плащ в зал для мытья. Но все время, пока отмывалась после путешествия, дергалась и поглядывала на дверь. И даже не знаю, чего я боялась больше: что меня ограбят или что сейчас сюда войдут голые мужчины, чтобы тоже помыться.

Уходя, оставила прачкам свои грязные вещи, а заодно ненавязчиво выяснила, в какое время тут пусто. Потому что мыться-то мне нужно регулярно, но я сильно сомневаюсь в своей выдержке, если окажусь в окружении толпы раздетых мужчин в одном общем банном зале. Как-то мы с мамой этот момент не продумали.

Воспоминание о родных больно резануло по сердцу, но я не могла допустить, чтобы это отра-зилось на лице.

Улыбайся, Рэмина. Улыбайся. Ты больше не графиня, а бродяжка-менестрель Рэм.

Вечера я ждала, нервничая и переживая. Как всё пройдет? Смогу ли я заинтересовать народ своим выступлением?

Нет, я не сомневалась в своих талантах. Я отлично играю на нескольких музыкальных инструментах. Права та старушка – благородные этому обучают своих детей чуть ли не с рож-

дения. Еще я хорошо пою, и, на удачу, голос у меня достаточно низкий, так что вполне сойдет за мальчишечий. Вот как женщина я бы точно не смогла ни петь, ни говорить.

И сказок знаю много, и песен – как изысканных (высшего сословия), так и, благодаря дядьке Жуху, народных. Если что, всегда смогу заглянуть в тетрадь и вспомнить слова. Хотя память у меня превосходная, проблем с этим я никогда не имела. Меня даже папа хвалил. А мама по секрету когда-то давно шепнула, что такая память почти у всех одаренных. Побочный эффект магических способностей.

Голода я не испытывала, так как, выйдя из бани, купила у уличной торговки несколько пирожков и прямо там же, сидя у фонтанчика, всё съела. Яства госпожи Муны мне пока не по карману. Заведение у нее приличное, но и цены в нем тоже весьма приличные.

Наконец зал наполнился, хозяйка трактира махнула мне рукой, давая понять, что наступило моё время, а сама вышла на середину помещения, подбоченилась и громогласно объявила:

– Гости дорогие, у меня сюрприз. Сейчас выступит менестрель, которого я наняла специально, чтобы он развлек вас своими историями, песнями и музыкой. Мальчишку не задирать и не обижать, а то дело будете иметь со мной.

– Муна, да когда это мы мальчишек задирали? – весело скалясь, воскликнул один из посетителей, усатый дядька с толстым животом.

– И то верно, Муна! – поддержал его другой, сублильный сутулый мастер-ткач, если судить по одежде. – Ты уж на нас не наговаривай. Пусть играет, а мы послушаем.

Его поддержал нестройный хор голосов.

– А если понравится он нам, так и от щедрот ему отсыплем! – стукнул по столу кулаком могучий мужик. Похоже, из кузнецов.

На подрагивающих ногах я вышла на свободное пространство, куда мне указала госпожа Муна.

– Экий мелкий! – цыкнул тот, что, вероятно, кузнец. – Его и не видать издалека.

– Слышь, малец! Ты на скамейку встань, что ли! – крикнул и сам же захохотал своей шутке усатый пузан.

– А вы, господа хорошие, на меня не смотрите, – громко проговорила я, обмирая от страха, но держась в рамках своей роли. Я – менестрель. Менестрель я. Я не боюсь их. – Вы меня слушайте.

– Давай, шнурок! – кивнул ткач.

Похоже, эти трое – постоянные гости трактира и с хозяйкой накоротке держатся. Больно уж свободно они себя ведут.

– Что вы хотите сначала? – улыбаясь так, что скулы свело, спросила я. – Сказку послушать, или песню спеть вам? Или просто сыграть?

– Да нам всё равно, лишь бы интересно было... – Это донеслось из дальнего угла, и кому принадлежала фраза, я не поняла.

– И то верно. Начинай, менестрель, не тяни... – шумно налил пива из кувшина посетитель за столом прямо напротив меня.

– Ну, тогда слушайте... – речитативом заговорила я. – Жил в далекие времена старик-лесничий, и был у него сын...

За сказкой последовала песня из «благородных», а затем – народная, коим меня научил дядька Жух. А потом снова сказка...

В какой-то момент один из гостей трактира притащил от стены тяжелый деревянный стул, поставил передо мной и, не говоря ни слова, усадил, нажав на плечо. Это вызвало гул одобрения у остальных. И я продолжила...

К ночи я совершенно охрипла, а народ всё не желал расходиться. Просили то еще сказку, то конкретную песню. У моих ног стояла глиняная кружка, и насколько я видела, там блестели не только медяки, но и серебряные монетки.

– Так, дорогие гости! – взяла всё в свои руки госпожа Муна, увидев, насколько я устала. – Вы мне менестреля вконец загоняете. Как он вас завтра развлекать будет, если голоса сегодня лишится? Ну-ка, Рэм, сворачивай свой балаган и иди на кухню, поужинай. Я распорядилась.

Из зала кто-то недовольно подал голос, но хозяйка трактира была непреклонна:

– А кому понравился мой менестрель, приходите завтра. Я его на неделю наняла. А там видно будет. Коли он дальше путешествовать не отправится, может, и еще задержится.

– Жду вас завтра, господа хорошие, – подхватив гитару и кружку со своим первым в жизни заработком, я чинно поклонилась публике.

– О! А мальчишка-то из благородных. Гляди, как кланяется!

– И точно! И как мы не поняли?

Глава 4

Я испуганно замерла, не зная, плохо это или нет, что они догадались о моем происхождении.

– Да будет вам, мужики! – жажнул по столу кулаком кузнец. – Не от хорошей жизни-то парень в менестрели подался. Мож, он и из благородных, а нынче бездомный странник.

– И то верно...

Госпожа Муна мотнула головой в сторону кухни, выпроваживая меня. Я выскользнула из зала и не успела послушать, о чем дальше шла речь. Но судя по довольному виду хозяйки трактира, всё было хорошо. Мое выступление понравилось и ей, и посетителям. Поэтому меня пообещали кормить и поить три раза в день на протяжении этой договорной недели. А дальше видно будет.

– Молодец, Рэм, – похлопав меня по плечу, позднее похвалила она. – Сегодня выручка почти в три раза больше обычного. Поел?

– Да, госпожа Муна.

– Ну тогда ступай в чулан под лестницей. Там есть запасные тюфяки, сложи их стопкой и устраивайся на ночь спать.

На этом она посчитала общение со мной исчерпанным и переключилась на повара и слуганок.

Неделя прошла на удивление мирно. Днем на меня никто из работников и редких посетителей заведения не обращал внимания, и я была предоставлена самой себе. Особо заняться мне было нечем, поэтому я гуляла по городу, приглядывалась, прислушивалась к разговорам, пыталась влиться в новую жизнь.

Благодаря вечерним выступлениям, у меня появились небольшие сбережения. Купила немного запасных вещей, карту королевства, дорожную сумку побольше и кое-какую утварь, чтобы в пути можно было приготовить себе еды. Я не умела и даже не представляла, с какой стороны вообще подступиться к продуктам, чтобы превратить их в какое-либо кушанье, но договорилась с поваром в трактире, что он меня научит хотя бы самому примитивному – кашу сварить или похлебку, мясо или картошку запечь на костре. Вряд ли мне в дороге потребуется что-то большее.

По-хорошему, мне бы еще коня приобрести, но я сильно сомневалась, что обычный малолетний странствующий менестрель может позволить себе такую роскошь. Выпарывать припрятанные золотые я опасалась, а того, что заработала за эти дни, не хватало.

А в конце недели я случайно услышала, что на днях выезжает обоз как раз в ту сторону, куда я и планировала отправиться. Мне ведь нужно перебраться как можно дальше от родного графства и от столицы. Разумеется, я напросилась в попутчики. Купец, который организовывал этот обоз, являлся постоянным посетителем трактира госпожи Муны, все мои выступления видел и слышал, даже платил неплохо, к слову. А потому проблем у меня не возникло. Да и хозяйка замолвила словечко, поняв, что оставаться дольше я не планирую.

– Вот что, Рэм, – почесав бороду, заявил господин Дарин. – Нравишься ты мне, и сказки твои нравятся. А потому давай-ка так... Еда общая, спишь на земле, места в повозках для ночевки я тебе выделить не смогу. Но днем можешь приткнуться где-нибудь в повозках с товаром, ты тощий, места много не займешь. За продукты с тебя, как и со всех, их надо заранее закупить с учетом количества человек, а проезд, охрану и то, что будешь питаться из общего котла, а не готовить себе отдельно или жевать всухомятку, оплатишь выступлениями. Твое дело – на привалах народ развлекать.

– Годится! – радостно улыбнулась я. Ведь именно этого от меня ждал купец, предложивший весьма щедрые условия. Уверена, остальные попутчики отвесили полновесные монеты за место в обозе и охрану. Наемники свои боевые навыки и умения оценивали недешево, они жизнью рискуют каждый раз. – Благодарю, господин Дарин!

– Бурдюк для воды себе не забудь купить, Рэм. Твоя фляжка уж больно маленькая, а в пути не всегда есть возможность пополнить запасы воды. И одеяло, что ли. Спать-то на земле придется. Совсем износишь свой плащ.

– О, пацан! – хлопнул меня по плечу сидевший рядом наемник, как раз один из тех, чьи услуги купил купец. – Давай я тебе расскажу, что нормальному путешественнику требуется. Ты хоть и благородный, а неприспособленный какой-то. И чему только учат лорды своих детей?

– Буду признателен, – повернулась я к нему. – А я котелок уже купил. Еще кружку жестяную, приборы и длинную ложку, похлебку помешивать.

– Ну, значит, слушай и запоминай...

Оказалось, мои познания о том, что нужно бывалому путешественнику, весьма неполные. Мне казалось, что котелка и приборов достаточно. Я ошибалась, в чем убедилась во время первой же просветительской беседы с наемником.

Никогда бы не подумала, что к странствующим музыкантам так по-доброму относятся. Их воспринимали как нечто слабое, не приспособленное к жизни, немного бестолковое, как тех, кого надо снисходительно опекать. Мол, что возьмешь с певчих птичек? Щебечут, поют, музыку играют, а ничего путного и не умеют. Ни мечом орудовать, ни дерево срубить... Но при этом помощь люди предлагали бескорыстно, благодаря таким образом за ту радость, что дарили менестрели людским сердцам и душам.

Мудрый совет мне дала та безымянная старушка, что пустила на ночлег. Не надень я маску странствующего певца и сказочника, вряд ли бы всё проходило у меня так гладко.

С кем только не доводилось мне общаться за время путешествия на противоположный конец Дагры: с купцами и наемниками, нищими и бродягами, лордами и леги, мастерами и селянами. Я довольно быстро поняла, как невероятно мне повезло, что сумела пройти тогда одна по лесам от родового замка до селения, откуда в город меня довез дядька Жух.

За долгие дни переездов случалось разное. На обозы, в которые мне удавалось напроситься, нападали грабители, и если бы не наемники, охранявшие путешественников, то... Хотя жертвы порой случались с обеих сторон, и тогда нам приходилось закапывать трупы.

Это... страшно. Лиходеев жалко не было, но и смотреть на порубленные или утыканные стрелами тела я без содрогания не могла. Меня не заставляли копать могилы, понимая, что музыканту это не по силам. Но оттаскивать трупы в сторону приходилось наравне со всеми. А когда при мне впервые пал в схватке один из наемников, с которым мы до того несколько дней вместе ехали, разговаривали, сидели у одного костра... С трудом удавалось сдерживать слезы. Было грустно от гибели хорошего человека, выбравшего такой нелегкий способ зарабатывать на жизнь.

А еще внутри все переворачивалось от того, что тела обыскивали и забирали всё ценное. И если с грабителями это можно было оправдать, то когда друзья и соратники погибших наемников забирали из их карманов всё, что могло им послужить... Смогу ли я когда-нибудь это принять и понять?

Вероятно, им, привыкшим к своей доле и к тому, что завтра любой из них также может быть убит, это казалось нормальным. Мол, не пропадать же добру. Деньгам, оружию, украшениям, если таковые имелись. Тем более что такую службу выбирали одинокие мужчины, не имеющие семей. Не знаю, мне осознать это пока не удавалось. Нет, я молчала, не выказывая осуждения, но никогда не брала и монетки из тех, что оставались после таких схваток. Мне

предлагали, немного конечно, кто ж отдаст большую сумму бродяге, но в долю готовы были принять. Я вежливо отказывалась и уходила в сторону. Не могу.

Дорога занимала много времени. Пересечь страну быстро могли лишь конные всадники при наличии охраны. Мне же приходилось искать и ждать попутчиков – когда купеческие караваны, когда мастеров, едущих в нужную сторону на телегах с товаром. Всяко случалось. Своей лошади у меня так и не было, а потому надо было платить за место в обозе, повозке и охрану. Насмотревшись, одна я больше не рисковала выдвигаться за городские стены. Чудеса дважды не случаются, и хотя я сумела пройти по отцовским землям и владениям барона Женри без плачевных последствий, не факт, что мне повезет так же еще раз. Брали меня достаточно охотно, отказов почти не получала, а я развлекала своих спутников в благодарность за помощь, добрый совет или жизненный урок.

За это время я освоила многое. Варить на огне похлебку или кашу с мясом. Разделывать рыбу и потрошить птицу. Рубить маленьким топориком ветки и вязать узлы на веревках. Мыться в озерах, прудах и холодных быстрых ручьях. Стирать свои вещи и растягивать их на сушку, чтобы меньше мялись. Разводить костер и убирать кострище так, чтобы не случился лесной пожар. Складывать ложе из еловых лап и даже строить шалаш. Последнему меня научил шустрый, вредный, прохиндейской наружности мелкий торговец, когда нас застал в пути дождь. Вот он-то и гонял меня, командуя, чтобы я быстрее шевелилась, а то совсем вымокнем. Но при этом указания отдавал четкие и сам принимал участие в процессе, показывая «криворукому музыкантишке», как надо складывать ветки и палки, чтобы соорудить защиту от непогоды. А потом сидел со мной внутри, сетовал на то, как ему не повезло взять в попутчики такого белоручку, и вдруг совершенно непоследовательно сунул огромный кривой бутерброд и попросил спеть что-нибудь из благородного, жалостливого и за душу берущего.

Я не обижалась, принимая такое поведение народа как данность. Не лорды ведь, манерам не обучены.

Многими навыками делились со мной люди, с которыми мне довелось столкнуться. Бабы показывали хитрости, как готовить в котелке так, чтобы вкуснее было, какие травки можно бросить для аромата. Как лучше отстирать пятна с одежды, чтобы ткань не повредить. А одна молодка посоветовала беречь руки, мол, они у меня точно у сиятельной леди, нежные и белые. Для парня позор, конечно, но коли уж я на инструменте играю, то надобно беречь – смазывать сальцем или маслом, чтобы кожа не трескалась. Мужики растолковывали мне прочие премудрости. Наемники пытались «слабого задохлика» подтянуть во владении кинжалом. Все смеялись над моей неловкостью, подтрунивали и называли неумехой, но показывали и объясняли. Что-то мне давалось легче, что-то сложнее, но я старалась. Уроки выживания мне были необходимы, и я не стеснялась просить помощи и совета.

Я уже знала, какие продукты нужны в пути, а какие выдержат день-два и испортятся. Могла выбрать в лавке хорошую крепкую веревку, а не подгнившую, которая порвется от первого же узла. Да, было и такое со мной, подсунул жуликоватый лавочник явную дрянь.

Два месяца моего пути с одного конца страны на другой стали для меня настоящей школой жизни. За это время я, кажется, растеряла весь свой лоск изнеженной дочери графа. Руки огрубели от постоянной игры на гитаре, стирки, холодной воды и почти круглосуточного пребывания на улице. Не помогали ни масло, ни сало, которые мне посоветовали использовать. Мышцы окрепли, и я уже не падала от изнеможения после дневного перехода. Привыкла спать на земле и научилась устраиваться у костра так, что тепло от него доходило, но жар не опалял.

Да и в чужих городах стала чувствовать себя относительно спокойно. Во-первых, там вероятность наткнуться на кого-то из прихвостней Гаспара была минимальной, и я перестала прятаться в светлое время. А во-вторых, я поняла, что порой безногий нищий, просящий милостыню у храма, или продажная девка, зазывающая клиентов в срамном квартале, могут дать

более ценный совет и информацию, чем богатенькие господа. Эти смотрели на меня как на нечто несурзное – вроде и полезное, даже приятное, но какое-то непонятное. То ли приветить, то ли пнуть... Так, на всякий случай, чтобы свое место не забывал.

Но случилось в этих городах и страшное. Мы только приехали в один из них с подвезшим меня гончаром на телеге, полной горшков, распрощались, и я побрела поближе к центру, чтобы поискать место для выступления и отдыха.

Не сразу поняла, что происходит нечто странное, с удивлением глядя в спины куда-то спешащих людей. Народ взволнованно переговаривался, с горящими глазами размахивал руками...

– Что происходит? – поймала я за рукав пробегающего мимо нищего мальчишку.

– Так ведьму сейчас жечь будут! Здорово, да?! – возбужденно выкрикнул он, вырвался и помчался прочь, сверкая грязными босыми пятками.

Вот, значит, как. Несчастную, которой не повезло родиться с даром, сейчас сожгут. Нет, не хочу смотреть. Я развернулась и решительно зашагала в ином направлении, а не вслед за бродяжкой.

Но городская планировка сыграла со мной дурную шутку. Я шла прочь, но, повихляв по извилистым улицам и переулкам, очутилась на площади, посередине которой возвышался костер для казни.

В центре горы сложенных дров и хвороста к столбу была привязана коротко остриженная молодая женщина. Судя по тому, как она была окровавлена, избита и изрезана, ее долго и страшно пытали. Пальцы связанных позади столба рук переломаны и лишены ногтей, а нагота не прикрыта даже жалким клочком ткани... Смотреть на это было невыносимо. Ей отрезали груди и прижгли каленым железом. Всё остальное – это уже даже не тело, а умирающая истерзанная плоть. Следы от ожогов, порезы, колотые раны, рубцы от хлыста, до мяса рассекшего нежную кожу...

Стоять сама «ведьма», похоже, не могла, и ее полностью туго примотали к столбу грубой толстой веревкой и лишь после этого связали руки за спиной, сильно вывернув их в плечах.

Что удивительно, девушка была в сознании, а ее лицо палач не тронул. Красивая, очень красивая. Возможно, никакая она и не ведьма, а просто женщина, отказавшая не тому, а этот «не тот» донес на нее или сам же придумал обвинения. И вот итог – костер, а перед этим жуткие пытки.

Мне «повезло» очутиться на площади в таком месте, откуда всё прекрасно было видно. Прорываться вплотную к костру, как возбужденные фанатики Неумолимой, я не собиралась. Смотрела издали на тонкое, пожалуй что, аристократичное лицо несчастной и не находила в себе сил уйти, хотя прекрасно осознавала, что сейчас запольхает.

И точно...

Сестра Неумолимой в длинном графитово-сером балахоне вознесла молитву богине смерти. Судья зачитал приговор и длинный список прегрешений. В чем только осужденную не обвиняли... И в грозе, и в дожде, и в засухе, и в том, что чья-то собака сожрала на улице падаль и сдохла. И в том, что молоко у торговли скисло. И крыша у кого-то протекла по ее же замыслу. А дочка почтенной госпожи какой-то там никак не могла выйти замуж. А еще у кого-то карниз со шторами обвалился именно в тот момент, когда ведьма шла мимо дома. В каких только проступках не была она замечена... Какие только «ужасы и непотребства» не творились по воле, желанию и проискам этой гнусной особы... И за это ее надлежало сжечь в очищающем огне и отправить во владения Неумолимой, чтобы богиня сама решила ее судьбу.

Судья дал отмашку палачу. И вот уже зажженный смоляной факел летит на гору облитых маслом хвороста и дров.

Пламя взревело, охватило худенькую изломанную фигурку, привязанную к столбу. Гомон толпы перекрыл мучительный женский вопль, а я, не выдержав, зажмурилась, спрятав лицо еще и в ладони.

– Горела ведьма на костре... Горела ведьма... В огне горела ведьма... – хрипло шептала я, чтобы только не слышать крики несчастной. – Сгорела!

На последнем слове я открыла глаза и замерла, не понимая, что случилось. Языки пламени, лижущие конвульсивно дергающуюся жертву, вдруг вспыхнули особенно ярко и высоко взметнулись, и в тот же миг тело девушки всё целиком превратилось в пепел и осыпалось хлопьями.

Толпа, жаждущая долгой агонии преступницы и веселья от этого зрелища, разочарованно взывала.

А сестра Неумолимой настороженно замерла и стала медленно поворачиваться в мою сторону. И вот тут я испугалась. А что, если про них не врут? Что, если сестры богини смерти действительно чувствуют всех, в ком есть хоть капля магического дара?

И я, тихо всхлипнув от ужаса, сползла на землю. Сжалась на корточках, натянув на голову капюшон и стараясь сделаться незаметной.

А потом так же, не поднимаясь на ноги, начала выбираться обратно на улочку, по которой только что сюда пришла. Далеко не сразу рискнула встать в полный рост...

– Эй, пацан? Чё там? Я опоздал? – спросил мужской голос. – Горит уже ведьма?

Я обернулась, взглянула в возбужденное лицо толстого усатого лавочника и сдавленно булькнула. Не могу... Меня сейчас стошнит...

Так и не ответив ему ничего, быстро склонилась к стене.

– Фу-у-у! – брезгливо прогудел горожанин, но понял мою реакцию правильно. – Опоздал! Всё ведьма проклятушая виновата! Из-за ее колдовства я решил выпить последнюю кружку вина и осоловел. Вот же дрянь! Даже перед смертью напакостила, и я не успел на самое интересное!

Сплюнув с досадой, он поспешил на площадь. Я же вытерла рот, поправила гитару, перехватила свои вещи и двинулась обратно к городским стенам и воротам. Не хочу оставаться тут ни минуты. Жрица богини смерти что-то почуяла и не успокоится, пока не найдет новую жертву.

Именно тогда у меня зародились крамольные мысли о сестрах Неумолимой. Как наяву стояло перед глазами лицо той из них, что присутствовала на казни ведьмы. То, как жадно и хищно затрепетали ее ноздри, словно у гончей, почуявшей добычу. Как медленно и неотвратимо она оборачивалась, ища взглядом в толпе кого-то конкретного. Меня? Думаю, да. Меня. Ведь именно во время моего лихорадочного шепота и финального слова «Сгорела!» казненная в мгновение ока превратилась в пепел. А ведь человеческое тело горит долго. Даже после того, как несчастная женщина умерла бы, не выдержав боли, то догорала бы еще не одну минуту. А тут всё случилось моментально. Короткий вдох, и только серые хлопья в опустевшем костре.

Похоже, в нашем несчастном закрытом королевстве, где запрещена магия, этой самой магией обладают именно они – сестры Неумолимой. Власть храмовых жриц велика. Подозреваю, что если бы они обвинили в колдовстве короля, то его растерзали бы собственные подданные и придворные. Он бы не дошел даже до костра.

Довольно было бы слова или сомнения одной из сестер Неумолимой. Даже не Верховной жрицы или служительниц столичного храма, а любой! Например, ехавшей через столицу по своим делам. Лишь подозрение, что житель Дагры одаренный, и всё – конец неизбежен.

Не зря я обходила столицу по огромной дуге, страшась даже издали увидеть городские стены. Ведь именно там располагается самый большой храм. Там сестер можно встретить, просто прогуливаясь на улице...

Что же касается казней, то доводилось мне сталкиваться с ними отнюдь не единожды. От некоторых историй волосы дыбом вставали. Нет, я, к счастью, больше не попадала на площади, где бы полыхали костры. Но видела на улицах шествия, телеги с клетками, в которых везли на эшафот приговоренных. Это ужасно и невыносимо. Тех, кто лежал или сидел в клетках, уже и людьми-то нельзя было назвать. Нет, это были умирающие существа, лишь из последних сил вдыхающие воздух нашего несчастного королевства. Ни на что уже не надеющиеся, ни во что не верящие, обреченные, прошедшие через муки от рук палачей, дознавателей. А может, и сестры Неумолимой участвовали в допросах, выколачивая из осужденных... Что именно? Я не ведаю.

Одна из таких процессий, которая с веселым гомоном сопровождала на смерть семью из четырех человек – родители и двое деток, – заставила меня рыдать. Не сразу, позднее, когда никто не мог увидеть. В причастности к магии подозревался глава семейства. Его жена была приговорена за соучастие и сокрытие, дети же... А что, если они унаследовали дар? А вдруг пытки над ребятишками заставят несчастного отца быть посговорчивее, признаться во всем? Понятно ведь, ради того, чтобы облегчить участь родных, люди пойдут и согласятся на многое.

Сестры Неумолимой безжалостны и не знают пощады.

Петь приходилось в разных местах. То в трактире, то на площади, то в борделе, то в игорном доме. В последний раз жуткого вида одноглазый тип перепугал меня до смерти. Поймал за шкуру на улице и поволок, ничего не объясняя. А когда я принялась кричать и вырываться, встряхнул как котенка и цыкнул:

– Да не ори ты, задохлик. Хозяин велел притащить к вечеру кого-то, кто будет петь. Гости у него сегодня важные.

– А сразу сказать нельзя было?! – возмутилась я. – Отпусти! Сам пойду.

Громила разжал пальцы, и я едва не шлепнулась на грязную мостовую.

– Заплатит, надеюсь? – поправляя одежду, хмуро спросила я, глядя из-под челки на посланца бандитского главаря.

– Господин Дюзан менестрелей никогда не обижал, не трясись. Жрать хочешь? – спросил он вдруг.

– Хочу, конечно. Ты же меня с площади увел, я не успел поужинать, – смирившись с грубой манерой общения, в тон отозвалась я.

Глава 5

Публика в игорном доме оказалась специфическая. Бандиты, жулики, отчаянные картежники... Последние были, в том числе, и из аристократов, которые проматывали состояние. Точно как Гаспар... И проигрывали так же, и напивались, и скандалили...

И девки продажные присутствовали, ярко покрашенные, со взбитыми в высокие прически волосами, вульгарно разряженные. Садись на колени к игрокам, отвлекая от карт, мороча головы и предлагая выпить. Смеялись зазывно, демонстрируя содержимое глубоких вырезов своих платьев.

Не хотела бы я себе такой судьбы. Я наблюдала за ними сквозь ресницы, перебирая струны, и благодарила маму за амулет личины, который она сумела где-то найти. Учитывая красоту, которую я от нее же унаследовала, поймали бы меня да заперли где-нибудь. И хорошо еще, если бы участь содержанки меня ждала бы. А то вот так бы угодила в бордель и развлекала публику. Долго бы я не протянула, скорее всего, сама бы и наложила на себя руки. Лучше смерть, чем такая жизнь.

Птица в клетке... И не вырваться, не спастись...

Грустно улыбнувшись своим мыслям, я запела:

Подрезают птице
Сразу два крыла,
Чтоб она подняться
В небо не смогла.
Запирают в клетку
Прерванный полет...
Только эта птица
В клетке не поет.
Если не дано ей
В небо улететь,
Разве может птица
Песни свои петь?
И, тоскуя, птица
Не клюет зерно —
Ведь расправить крылья
Ей не суждено.
Я мечтаю птице
Крылья возвратить,
Выпустить на волю,
Клетку отворить.
Чтобы птица пела,
Чтобы, чуть дыша,
Ввысь за ней летела
И моя душа.¹

Не знаю, вслушивался ли кто-то в тексты моих песен, но в итоге меня и накормили, и вином пытались напоить, и даже женщину предлагали. От вина и женской ласки я отказалась,

¹ Стихотворение написано пожелавшей остаться неизвестной читательницей специально к этому произведению. (Здесь и далее примечание автора).

вызвав шквал насмешек, мол, зеленый я еще. А после выступления щедро отсыпал мне монет один из местных королей теневого мира. И совет дал:

– Талантлив ты, Рэм. Облаготельствовала тебя богиня. Но костюм купи попримечнее. А то сразу видно, бродяга и голодранец. Вот для выступлений – натягивай одежду побогаче. С вышивкой какой, что ли. Бабам нравятся смазливый юнцы. Глядишь, еще с ледей любовь закрутишь.

Я кашлянула, потому что любви от «ледей» мне совсем не надо, я сама – леди.

– И еще... – наклонился он к моему уху и прошептал едва слышно, дыша винными парами: – Сваливал бы ты из Дагры, малец. Одарен ты способностями, Рэм, чрезмерно одарен. Как бы на костер они тебя не привели.

Я вздрогнула всем телом, сжала зубы, но промолчала. А бандит, одетый в бархат и золото, продолжил:

– Я тебе ничего не говорил. Но ты мелкий, шустрый, и терять тебе нечего, коли сирота бездомный. Сумеешь выбраться, помолись за меня да свечку поставь. А ежели припечет, то покажи вот это. Меня по всему королевству знают, – и сунул мне что-то в карман.

Позднее, когда появилась возможность рассмотреть, я выяснила, что это была обычная серебряная монета с одним отсутствующим краем. словно хитро отпилили кусочек по невидимой ломаной линии.

– Благодарю, господин Дюзан, – чинно поклонилась я, словно передо мной лорд, а не главарь разбойников.

Он же осмотрел меня с ног до головы задумчивым, совсем не пьяным взглядом и рявкнул, заставив подпрыгнуть от испуга:

– Гренька!

– Ну? – ввалился тот громила, что меня сюда приволок.

– Вот что, Гренька. Организуй-ка этому птенчику спутников. А то следующий обоз отсюда лишь через десять дней. Нечего ему в нашей дыре сидеть.

– Дык... А куда его? – поскреб щетину одноглазый.

– А давай-ка его...

Не обращая внимания на меня и мой лепет, мол, «я сам как-нибудь», неожиданный благодетель принялся отдавать распоряжения о том, чтобы меня отвезли в крупный город. Именно туда я и планировала поехать, так как четко держала путь к южному перевалу, отделяющему Дагру от всего остального мира. Где-то там, за горами, есть магия, живут чародеи, эльфы и оборотни...

Если смилостивится надо мной Неумолимая, то я смогу как-нибудь туда перебраться. Не ведаю пока – как. Тут бы хотя бы просто доехать до границы, выжить и сохранить руки-ноги.

Утром я покинула городок, в котором даже осмотреться-то не успела, в сопровождении жуткой наружности типа. Встретишь такого ночью в подворотне – сам всё отдашь, ему и говорить ничего не придется. За несколько дней нашего совместного пути он проронил буквально несколько слов, да и то – команды: «вставай, поехали, жри, пей, заткнись, быстрее, шевелись...». Но не обижал и по-своему заботился, выполняя приказ хозяина. Доставив, куда велено, дал «легкий» подзатыльник, от которого меня унесло вперед. Но не со зла, просто силу не рассчитал. Оказалось, это он так прощался со мной. Качнул головой недовольно, проследив за моим полетом, рожу свою страшную скривил в гримасе, вероятно обозначающей улыбку, и буркнул:

– Бывай. Береги себя и смотри, не сдохни раньше времени. Раз хозяин тебя оценил, значит, и правда ты чего-то стоишь.

Это была его единственная длинная и связная реплика за все время нашего знакомства.

– Спасибо, – кашлянув, отозвалась я. – Передавайте господину Дюзану мой поклон.

– Жри давай лучше, – напутствовал он меня, взлетел обратно в седло и поехал, не оглядываясь, уводя с собой флегматичную лошадку, выделенную на время мне.

Проводив его взглядом, я хмыкнула, покачала головой и потеряла затылок, куда прилетел «подбадривающий» прощальный подзатыльник. Тяжелая рука, однако. Представляю, что было бы, ударь он в полную силу. Костей не собрала бы.

Грубый, необразованный, жуткий, но при этом...

И вот мой долгий путь подошел к концу.

Прищурившись, я смотрела на снежные шапки гор и перевал. Дорога пролежала между скал в настолько узком ущелье, что там с трудом могли разминуться две телеги, но этого и не требовалось. К нам в Дагру ездили лишь немногие проверенные и одобренные короной купцы. Без специальной грамоты с королевской печатью никто не мог ни покинуть наше государство, ни въехать в него.

– Эй, менестрель! – окликнул меня стражник, проходивший по площади, где я присела, чтобы отдохнуть и набрать немного денег. – Чего не поешь? Чего расселся?

– Отдыхаю, господин стражник, – растянула я губы в чуть ли не приклеившейся уже за эти месяцы улыбке.

– Ну-ну. Смотри у меня! – погрозил он мне зачем-то кулаком, погладил толстый живот и, гремя оружием, отправился по своим важным делам.

Я же, вздохнув, стала перебирать струны гитары. Потихоньку подтягивались слушатели, и я занялась своей привычной уже работой – веселить достопочтенную публику.

К вечеру нашла скромный трактир поближе к окраинам, сняла убогую комнатку, чтобы не вводить в искушение лихой народ. И когда совсем стемнело, спустилась в общий зал. С трактирщиком у нас была договоренность, что я плачу за себя сама, играть он мне не запрещает, но и защищать от желающих поживиться за мой счет или просто поколотить хлипкого худосочного пацана не станет. Мои проблемы его не касаются.

Вот и напевала я негромко, сквозь ресницы поглядывая на собравшийся тут сброд. А когда вышло какое-то время, повесила гитару за спину и скользнула к одному из столиков в углу. Мордовороты, сидевшие там, внушали душевный трепет своим обликом, но именно они-то мне и были нужны. Не зря же я нашла не приличное местечко в благополучном районе, а заведение, в котором собирается подобная публика.

– Приветствую, господа хорошие, – поклонилась я им. – Не угостите музыканта стаканом теплого молока?

– Чё? – не понял один из мужиков. – Мо-лока?!

– Пацан, ты выбором не ошибся? – хохотнул другой и приглашающе похлопал по скамье. – Вино! – легко поднял он огромный кувшин и собрался мне налить.

– Нельзя мне, господа. Голос потеряю, а это мой кормилец. Сам не рад, да выбора нет.

Громилы заржали, отвечивая в мой адрес пошлые шутки, но я уже привыкла к подобному, даже бровью не повела. Понимаю, что для них мальчишка, коим я сейчас выгляжу, пьющий молоко, а не вино, – это действительно повод для насмешек.

– Жри давай, – пододвинул ко мне блюдо с жареными свиными ребрами мой сосед по скамье, а потом хлопнул по спине так, что я чуть лицом в это блюдо не угодила. – Дохляк, смотреть противно.

Я левой рукой взяла одно ребрышко, откусила немного мяса, а второй продемонстрировала монетку, полученную от господина Дюзана:

– Не знаете, с кем бы я мог поговорить? – повертев опознавательный знак так, чтобы мои собеседники хорошо рассмотрели хитро обрезанный край, спрятала серебрушку обратно в карман.

– Ну, допустим, со мной, – перестал улыбаться и откинулся на стену сидящий напротив меня тип.

– Мне одна птичка прочирикала, мол, если что, я смогу попросить о помощи, – негромко проговорила я и снова откусила от свиного ребра кусочек мяса.

Мужики притихли и переглянулись.

– А малец-то не так прост, – хмыкнул мой сосед и уставился на своего главара.

– Чё надо? – спросил тот, окидывая меня тяжелым взглядом.

– Не здесь, господин...?

– Мое имя тебе без надобности. Идем! – выбрался из-за стола тот, кого я собиралась просить об услуге.

Мы поднялись на второй этаж. Трактирщик проводил нас взглядом в спины, но ни слова не сказал. А я прошествовала до комнаты в конце коридора, вошла внутрь, как было велено жестом, и молча дождалась, пока мой спутник запрет дверь.

– Ну? – повернулся он ко мне.

– Мне нужно на ту сторону, – едва слышно прошептала я, сначала приблизившись вплотную. – Королевской грамоты нет.

– Ты в своем уме, пацан?! – обалдел от моей просьбы бандит. – На плаху захотел?!

– Как раз на нее и не хочу. Моя дорога – в один конец. Так как? Расходы оплачу.

Громила присвистнул, скривился и поскреб заросший щетиной подбородок. Думал он долго, минут десять. Про меня словно забыл, игнорируя мое молчаливое присутствие, а когда я уже почти отчаялась, проговорил:

– Послезавтра.

– Сколько? – едва сдержав нервную дрожь, уточнила я.

– Скажу завтра. Будь здесь, за тобой придут.

Он развернулся и тяжело потопал к выходу. Когда спустились вниз, я хотела уйти, но мне не позволили.

– Жри, потом, может, и некогда будет, – мрачно проговорил тот, кто мог помочь мне вырваться на свободу, и толкнул к столу.

Силу опять не рассчитал, и я улетела вперед, едва не упав. Да что ж они меня все швыряют-то одним движением руки? То ли сильные такие, то ли я совсем хрупкая... Про меня бандиты тут же забыли, пили вино, смеялись над своими шутками, но когда я насытилась и чинно выпрямилась, мой давешний собеседник скомандовал:

– Спой нам, менестрель. Нечасто тут бывают певчие птички.

Назавтра я с самого утра сидела в общем зале трактира. Посетителей еще не набежало, это к вечеру тут будет не протолкнуться. Но меня трактирщик не гнал, лишь поглядывал хмуро. Похоже, тут вообще не принято совать нос в чужие дела. Меня это полностью устраивало.

Когда на пороге внезапно появился один из моих вчерашних знакомцев, я уже вся извелась. Он нашел меня взглядом, едва заметно качнул головой в сторону выхода, после чего как ни в чем не бывало протопал к стойке и потребовал налить ему чего покрепче.

У них с трактирщиком завязалась беседа, а я неспешно накинула капюшон плаща, подхватила свои вещи, гитару и выскользнула на улицу. Ждать, притулившись у стены, пришлось минут пятнадцать. Мой проводник вышел и, не оглядываясь, направился якобы по своим делам, лишь многозначительно глянув мне в глаза.

Что ж, пойду, куда ведут... Подождала, пока он немного отдалится, и двинулась следом, стараясь не потерять из виду его фигуру.

Пришли мы к складу на окраине города.

Когда я вошла в крохотную покосившуюся сторожку чуть в стороне от каменного строения, то обнаружила там главара.

– Значит, так, – без приветствия заговорил он. – Деньги сейчас. Мы спрячем тебя, и до ночи сиди так, чтобы ни звука. С купцом договорились, должок за ним...

Я вытащила свой кошелек и положила на стол.

– Сколько с меня?

Не ответив, он сцапал мешочек, развязал и высыпал его содержимое на стол. После чего откинул в сторону все медяки, помедлил, и туда же последовала пара серебрушек. Все остальные серебряные он ссыпал в ладонь и спрятал в карман, небрежно бросив опустевший кошелек на мелкую стопку монеток, которыми пренебрег.

– Чай, мы тоже люди, – буркнул он. – На первые дни хватит, потом заработаешь.

Кивнув, я забрала остаток своих денег.

– Снимай штаны и рубаху. Смени одежду на что-то из того, в чем тебя здесь не видели, – продолжил он инструктаж. – Гитару тоже оставишь здесь. Позднее ее найдут где-нибудь на неопознаваемом трупе, одетом в твои вещи. И пошевеливайся!

Дернувшись от резкой команды, я вскочила и принялась торопливо переодеваться. Стесняться за эти дни уже перестала... Редко когда мне так везло в общественных банях, как в первый раз. Был выбор – либо ходить грязной, либо, сжав зубы и забыв про стыд и приличия, мыться вместе с другими мужчинами. Я ведь «малец», а потому никому не было дела до того, как выглядит мое худое мальчишечье тело в раздетом виде. А я старалась не смотреть...

Сложив стопкой только что снятые с себя рубашку и брюки, я переоделась, натянула сапоги, снова накинула плащ и вопросительно уставилась на своего собеседника, который задумчиво вертел в руках мою поцарапанную гитару.

– Спрячем тебя среди товара. Не задохнешься, доступ воздуха оставим. Лежи тихо, словно мышь. Чихнешь, кашлянешь или как иначе выдашь себя – твои проблемы. Нас это уже не касается. Всё понял?

– А что за товар? – осмыслив, уточнила я.

– Рулоны тканей. Вот еще что... Пространство расчистим небольшое, ты-то доходяга тощий, поместишься, а вот барахло твое придется оставить. Показывай свой скарб.

Не дожидаясь, пока я сделаю это сама, он сцапал мою еще не закрытую сумку, небрежно вывалил ее содержимое на стол и принялся сортировать.

В одну кучу – сменную одежду (у меня ее было не так чтобы много), тетрадь с карандашом, после некоторой заминки туда же отправились мелочи (в буквальном смысле – то, что небольшого размера), необходимые в путешествии. Всё остальное, что занимало место, но без чего можно обойтись первые дни, было безжалостно сброшено на пол. Туда же упали дорожное одеяло, котелок для приготовления пищи в дороге, разный инвентарь, который я покупала по совету наемников, дававших мне уроки выживания, и бурдюк с водой. Мужчина не поленился даже заглянуть в мешочек с припасами. Принюхался, вяленое мясо, сыр и пару луковиц убрал, пресные лепешки и сухари оставил.

– Запах, – пояснил на мое замешательство. – Собаки могут учуять. Доберешься до людей,полнишь запасы еды.

– Понял, – смиренно ответила я.

– С собой в схрон возьмешь только сумку. Свет-камень и ножичек свой в нее спрячь. Фляга полная? – увидев мой подтверждающий кивок, он продолжил: – Береги воду! Прятаться придется долго. В плащ закутайся, чтобы он места не занимал.

– А как долго лежать? – робко уточнила я.

– Как получится, – отрезал он. – Идем.

И мы пошли... Мужчины вдвоем помогли мне пробраться в уже груженный рулонами сукна фургон. Молча, даже не переругиваясь, они соорудили в середине узкую длинную нору, велели мне в нее улечься. Еще повозились и притулили у меня в ногах сумку.

– Ничего нигде не жмет? – шипящим шепотом уточнил главный бандит. – Учти, мене-стрель, лежать тебе тут много часов. Флягу с водой на грудь положи, коли совсем не вмоготу станет, сможешь подтянуть ее ко рту и глоток сделать. Но смотри не увлекайся, если по малой нужде приспичит, быть беде.

И вот, по прошествии некоторого времени, я оказалась в одиночестве. Надо мной оставили немного свободного пространства, только чтобы можно было подтянуть к лицу фляжку и отпить воды. Рулоны тканей по бокам и сверху укладывали осторожно, чтобы меня не зава-лило и чтобы оставить доступ воздуха.

Глава 6

Час. Три. Пять. Не знаю сколько... Долго...

Потом звуки голосов, четкие распоряжения, ругань, ржание лошадей, веселый собачий лай. Совсем рядом кто-то громко скомандовал:

– Трогай!

Мое укрытие качнулось и двинулось вперед.

Снова дорога в неизвестность, с минимумом вещей. Практически с тем же, с чего я начала свой путь от стен родного замка.

Сейчас я боялась выдать себя намного больше, чем после ухода моих помощников. Тогда я была в одиночестве, даже вздремнуть успела, сейчас же любой звук могли услышать те, кто сопровождал обоз.

В какой-то момент началась паника. Я так боялась случайно кашлянуть или чихнуть, что почти начала задыхаться.

Спокойно, Рэми. Спокойно! Ты сможешь... Ведь столько уже прошла и выдержала...

Вызвав мысленный образ мамы, я стала дышать так, как она учила, называя это медитацией. Говорила, что маги в обязательном порядке должны уметь это делать. А мне просто стоит научиться, чтобы при необходимости расслабиться и погрузиться в некое подобие транса – оплота спокойствия.

Я сделала три глубоких вдоха и выдоха. Учítывая, что находилась я в замкнутом тесном пространстве, это далось не просто. После переключила дыхание с груди на живот и стала медленно считать выдохи, мне было легче именно так. Вдох, выдох – раз. Вдох, выдох – два. Вдох, выдох – три...

Незаметно я погрузилась в состояние, которое мама называла «царство без мыслей». По ее словам, маги в таком трансе видят свою внутреннюю энергию, потоки сил, могут управлять ими и исправлять свою ауру, если она пострадала.

Я ничего такого не умела. В моменты, когда погружалась в это «царство без мыслей», меня словно не существовало. Мое «Я» пропадало. Было нечто необъятное вокруг, весь мир, покой, чистота, свежесть и тишина.

Единственным минусом подобных упражнений было то, что абсолютно терялось чувство времени. Невозможно было понять, сколько я пробыла в этом небытии – час, десять? И все тело затекало и деревенело, потом приходилось разминаться, чтобы снова почувствовать руки и ноги.

Вот и сейчас. Исчезла узкая нора среди рулонов тканей. Растворилась в тишине Рэмина дас Рези. Были лишь покой и чистота.

А пришла я в себя от того, что кто-то совсем нелюбезно дергал меня за обе ноги и куда-то пытался волоочь. Я сначала даже не поняла, что происходит...

– На счет – три! – тихо шепнул один голос. – Раз, два, три!

И меня выдернули из схрона. Упасть на землю не дали, подхватили в четыре руки и рывком поставили на ноги... Попытались поставить, потому что я совершенно не чувствовала своего тела.

– Ну что? Помер? – недовольно прошелестел тот, кто держал меня справа.

– Да не-е, дышит. Хотя странно. Задохнулся слегка, видать, без сознания...

– В сознании, – облизав сухие потрескавшиеся губы, выдохнула я. – Воды...

К моему рту тут же приложили что-то твердое и влажное, и я жадно сделала несколько глотков.

– Приехали, пацан. Дагру мы покинули, – принялся шептать мне в ухо стоящий справа мужчина. – Выжил, что уже – чудо, а дальше сам. Нельзя, чтобы тебя кто из обоза живым увидел, вопросов не оберешься. А я из-за тебя на плаху не хочу.

– А если бы не выжил? – с трудом ворочая языком, спросила я.

– Не ты первый, не ты последний.

– В какую сторону идти? – пытаюсь осмотреться в темноте, уточнила я. Похоже, случалось купцам выкидывать трупы нелегалов, пытавшихся покинуть родину. Уж больно спокойно они об этом говорили.

– Пока спрячься в стороне, а утром гляди, куда мы поедem, и топай в том же направлении. Вот твоя сумка, – мне на плечо опустил ремешок. – И вот что. Мы тебя не знаем, ты – нас. Как ты покинул закрытое королевство – нам неизвестно. Отныне ты для всех жителей Дагры – предатель, изгой и считай, что умер. Не вздумай возвращаться. Сожгут, даже если ты не маг.

– Да благословит вас Неумолимая, добрые люди, – пошатываясь, я поклонилась.

К этому времени ко мне уже вернулось зрение, и я обнаружила, что двое мужчин, вытащивших меня из рулонов, предусмотрительно спрятали лица до самых глаз под повязками.

Обоз остановился на ночной привал, и, судя по тому, какая стояла мгла, совсем скоро взойдет солнце. Ведь все знают, что самая темень наступает за час до рассвета.

Получается, я провела в «царстве без мыслей» более десяти часов. И, похоже, лишь благодаря столь глубокой медитации выдержала их.

– Сам дойдешь? – с опаской спросил один из мужчин.

Я сделала шаг, покачнулась...

– Вот же... – сердито выдохнул он и закинул меня на плечо. – Отволоку его. Не дай Неумолимая, еще проснется кто и заметит.

Бодрой рысью мой вынужденный помощник порысил прочь от телег, фургонов и спящих людей. Отбежав, опустил меня на землю и, наклонившись, шепнул:

– Удачи, парень. Позволит Неумолимая, выживешь. А коли нет, значит, не судьба.

Не дожидаясь ответа, он выпрямился и быстро отправился назад.

Я же распласталась на земле, держа в одной руке ремень сумки, а во второй фляжку, и смотрела на небо и звезды. Неужели мне удалось? Поверить не могу...

Мне предстоит начать всё с нуля. Я снова без вещей, припасов, музыкального инструмента и денег. Припрятанные золотые хранились на совсем уж черный день, когда никакого иного выхода не останется. Я опять не знаю, куда идти, что делать, у кого просить помощи. Но здесь я могу не бояться, что кто-то узнает о принадлежности моей матери к одаренным и что я, скорее всего, тоже обладаю магическими способностями. Здесь меня не найдет Гаспар. И пусть я не приняла наследство и титул, не стала графиней, зато не погибла. Живая и невредимая леди Рэмина дас Рези. Пусть пока что под личиной мальчишки-менестреля.

Небо медленно наливалось светом. Солнце просыпалось и будило мир, а я все так же смотрела вверх и ни о чем не думала. Будет день, и будет новая жизнь. Сейчас же мне предстоит путь от предгорьев к людям. Нужно узнать, где я, в какой стране, кто ее населяет.

В закрытом королевстве не продавали карты мира. Считалось, что нам незачем быть в курсе, как всё устроено на оскверненных магией территориях. Поэтому мы знали наши владения, но не имели ни малейшего представления о землях других народов.

Сейчас я была словно малый ребенок. Мне предстоит всему учиться. Как тому, что для всех жителей не Дагры само собой разумеющееся, так и новым сказкам и песням. Это мой хлеб, то, что позволяет выжить. И что-то мне подсказывало – здесь нет жесткой цензуры на то, чтобы в сказочных историях не было и упоминания о чародействе и магии.

Полагаю, наоборот. Здесь магия и волшебство – это нечто обыденное, и даже дети слушают сказки именно чародейские. А значит, нужно учить их. Просить рассказать их мне у

попутчиков и случайных встречных, а когда доберусь до какого-то города, найти библиотеку или книжную лавку. И читать, запоминать, записывать...

Когда стих шум отъезжавшего обоза, который доставил меня сюда, я встала и побрела к дороге. Предгорья с этой стороны мало отличались от точно таких же, но со стороны закрытого королевства. Те же камни, те же скалы, те же растения... Если бы я не знала со слов освобожденных меня мужчин, что Дагра осталась позади, то и не поняла бы, что уже на воле.

Кутаясь в плащ, я на ходу хрустела сухариками и отыскивала взглядом ручей или родник, чтобы наполнить флягу водой. Пока дожидалась утра, всё выпила. Наткнувшись наконец на стекающий по скале тонкий ручеек, убегающий в маленькую каменную чашу и потом под землю, ужасно обрадовалась. Не только напилась и наполнила флягу, но и умылась, и волосы намочила.

А после этого сняла плащ, в котором уже стало жарко, поудобнее перехватила свой багаж и пошла в новую жизнь веселее. В какой-то момент даже поймала себя на том, что улыбаюсь. По-настоящему, а не так, как делала это последние два месяца.

Укатанная дорога, по которой уехал купеческий обоз, ложилась под ноги ровно, шагать было легко. Местность постепенно менялась, пропадали куски скал, трава стала появляться, но ни одного дымка, позволившего бы понять, что впереди люди, видно не было.

Так я и шла до самого вечера, лишь пару раз сделав привалы, чтобы дать отдохнуть ногам и немного подкрепиться. Кроме лепешек и сухарей, иных припасов у меня не осталось, да и те заканчивались. Нужно беречь, потому что добывать себе пропитание сама я не умею.

Ночь провела, забравшись на нагретый за ночь широкий валун с плоской макушкой. Говорят, в горах водятся змеи, и мне совершенно не хотелось встретиться с одной из них. А с рассветом снова двинулась в путь.

На людское поселение наткнулась лишь спустя три дня. Странно на мой взгляд, но вероятно, близость границы с закрытым королевством отпугивала людей. Никто не хотел селиться рядом с теми, для кого ты исчадие зла лишь оттого, что живешь в магическом мире. Ну, это я так думаю, а как уж на самом деле, мне неизвестно.

К окружавшей село оgrade я приближалась с опаской, но деваться было некуда. Припасов не осталось совсем.

– Приветствую, добрые люди, – склонила я голову в вежливом кивке.

Пятеро мужиков перегородили мне дорогу и впились взглядами, внимательно рассматривая.

– И тебе не хворать. Кто таков будешь? – заговорил старший из них, кряжистый бородач. Староста, похоже, если судить по более добротной одежде.

За их спинами стали собираться бабы и любопытные детишки. Но все молчали, предоставив право вести разговор главному среди них.

– Путник я, добрые люди. Менестрель странствующий.

Я улыбнулась и подмигнула хорошенькой черноволосой девчужке лет семи с торчащими в разные стороны косичками, выглядывавшей из-за материнской юбки. Девчонка засмушалась, приснула смешинками и отвернулась. Но взглядом косила в мою сторону. Ведь интерес-но же.

– И как же тебя, менестрель странствующий, занесло в такую даль? – переглянувшись со стоящими рядом мужиками, спросил глава.

– Так ведь сами знаете, нас ноги да голос кормят. Ноги несут по миру, словно лист на ветру, а голосом на пропитание себе зарабатываем. Я и вам спою, коли позволите. А взамен попрошу немного припасов в путь. Я бы и сыграл вам, да только погибла моя гитара, а на новую еще заработать предстоит.

– А я тебе дам гитару, – подал голос из толпы мужчина средних лет. – Коли не врешь, что менестрель, то сыграешь. Вот мы и проверим...

Староста обернулся и зыркнул на влезшего в разговор односельчанина, но одергивать не стал.

– Так что, люди добрые? Накормите менестреля в обмен на песни и сказки? – удерживая на лице привычную, профессиональную уже улыбку, спросила я.

– Да отстаньте вы от мальчишки, – шагнула вдруг вперед крупная миловидная женщина. – Тощий, смотреть больно. И в чем дух только держится. Поест, а там и споет вам.

Ее поддержали другие сердобольные бабы, а моя заступница повелительно махнула рукой:

– Иди за мной. Кашей тебя угошу, с утра варила, еще теплая должна быть.

Накормили меня, напоили, гитару вручили. И я честно до самого вечера развлекала селян песнями, музыкой и сказками. Последние особенно понравились малышне. Они меня облепили со всех сторон, с детской непосредственностью отодвинув взрослых, и требовательно дергали за рукав:

– Рэми, а еще? Ну расскажи-и-и!

Я решила в новой жизни вернуть свое короткое имя – Рэми. Так меня звали родители и нянюшка в детстве. В конце концов, имена Рэм и Рэми очень похожи, но второе мне привычнее и милее.

У взрослых была работа, так что они то уходили, то возвращались, а дети так рядом со мной весь остаток дня и провели. Родители их даже на обед выгнать не смогли. В итоге мы все одной дружной толпой жевали бутерброды, которые выдали нам матушки ошалевших от счастья мальчишек и девчонок. И запивали... молоком. Детям было смешно, что менестрель пьет не вино, а как и они – молоко. А вот бабы принялись меня жалеть: «Уж больно худющий пацан... И малолетка ведь совсем, еще не дорос до вина даже, а уже странствует по дорогам в одиночку».

К ночи, когда все устали и разбрелись по домам, ко мне подсел староста. Я всё же угадала, именно он со мной первым заговорил.

– Ну и куда-то путь дальше держать будешь? – поинтересовался он.

– Да в город надо. Гитары-то я лишился. И подзаработать хочу, и купить новый инструмент, – покосилась я на него.

– Ну-ну, – хмыкнул он и добавил, заставив замереть от страха: – Деньги-то остались вашенские, дагровские? Поменять?

– Почему вы... – сглотнув, начала я.

– Да уж не совсем мы дураки. Думаешь, ты первый, кто сумел выбраться на волю? Всяко бывало за годы-то. Хоть и очень редко, а все ж кому из ваших случалось живым к нам попасть. Ты хоть знаешь, где находишься? Как королевство наше называется? Какой город на пути?

У меня опустились плечи, и я уныло покачала головой.

– От чего бежал-то, Рэми? То, что ты сирота, это понятно. И из благородных, это я тоже вижу. Натворил чего-то? Или жизнь спасал? Или... одаренный?

– Жизнь спасал, – ответила я полуправдой.

– Нелегко тебе придется, – почесал он бороду. – Вы ж оттудова выходите – словно дети малые. Самых простых вещей не разумеете. Ты-то еще ребенок, можно списать на то, что убёг из родительского дома, потому ничего о мире не знаешь. А каково взрослым мужикам?

– И что же мне делать? – вздохнула я.

– В город иди, Рэми. Карту покупай. Коли из благородных, значится, грамоте обучен. Слушай поболее, примечай привычки местных. Сказки наши учи. Я ж послушал тебя, все истории твои – ненашенские. Сказки закрытого королевства ты нам рассказывал.

– Это плохо? – напряглась я.

– Дык... – Староста задумался, а потом хмыкнул: – Знаешь, менестрель, а сделай-ка ты их своим коронным номером. Нашенские учи и песни, и сказки. Ваши – на сладкое оставляй.

Мол, люди дорогие, а теперича я вам расскажу то, чего вы никогда раньше не слышали – сказки закрытого королевства.

– А не опасно?

– Ну так ты легенду придумай, откедова знаешь их. Ну там няньки, бабки, тётки рассказывали, когда ты малым был. А их кто обучал, про то тебе неведомо, померли все, сирота ты. Карту изучи, выбери какое место, узнай про него, да всем и сказывай, что родом ты оттудова.

Вот так, слово за слово, я и узнала, что нахожусь сейчас в королевстве Дагáрра. Судя по схожести названия с Дагрой, когда-то давным-давно были эти территории единым целым, но потом что-то произошло.

Живут тут в основном люди, вдоль гор есть поселения гномов, которые добывают в шахтах «всякое разное». Чем дальше к центру Дагарры, тем вероятнее встретить представителей прочих народов: и эльфы попадают, и драконы, случается, прилетают по своим чешуйчатым делам. Что уж тут забыли эти огромные зверюги, никто не знает. Так-то они другие страны не жалуют, всё у себя сидят. А вот оборотней почти нет, редкие они гости в Дагарре.

– А разве драконы не оборотни? – уточнила я. – Ведь они тоже в людей оборачиваются. Да?

– Ты, Рэми, смотри где не ляпни это в присутствии дракона, – аж подавился воздухом от моего вопроса староста. – Он тебе живо голову откусит. *Драконы* они, не оборотни. Последнее-то в волков, рысей или медведей перекидываются, а жить стараются поближе к лесам. В городах их звериной натуре поди тесно.

– А драконы?

– А драконье королевство ох и далеко отсюда, только они сами к нам и прилетают на крылах своих. Сказывают, города у них там, всё как у людей – дома, улицы. Маги они могучие, так что проблем не знают.

– Вот бы посмотреть... – мечтательно выдохнула я.

– Эк ты загнул, – усмехнулся мужчина. – Хотя какие твои годы. Мож, когда и доберешься, если не осядешь где.

– А вы когда-нибудь сами видели драконов? Какие они?

– Я в небе видел пролетавшего... Сам еще мальцом был, вот как ты примерно, но и теперича помню... Тень от него по земле стелилась, раскинутые два крыла, хвост длинный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.